

НАТИ СМОЛЬНИКОВА

ЦЕНТР МАГИЧЕСКИХ
ИСКУССТВ

Нати Смольникова

Центр Магических Искусств

<https://litres.ru/74578832>

Аннотация

Врата нового мира распахнулись, впуская героиню в круговорот высшей школы магии. Здесь, в обители диковинных существ и древних секретов Арканты, ее ожидает не только учеба, но и ооочень разные битвы за тайны...за право любить и выбирать самой...

Студенческие будни, начавшиеся в мире людей, обрели новое измерение в магической реальности. Однако вечные вопросы никуда не исчезли... А рядом неизменно маячат высокомерные маги, сжигаемые любопытством: кто она, эта простая девчонка, и на что она способна? И тут на занятиях появляются самые невыносимые из сильнейших магов, наследники своих Пик - Морган и Локри...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	41
ГЛАВА 6	51
ГЛАВА 7	63
ГЛАВА 8	71
ГЛАВА 9	78
ГЛАВА 10	83
ГЛАВА 11	90
ГЛАВА 12	98
ГЛАВА 13	107
ГЛАВА 14	115
ГЛАВА 15	132
ГЛАВА 16	145
ГЛАВА 17	162
Конец ознакомительного фрагмента.	163

ГЛАВА 1

Воздух в Зале Теоретической Магии был тяжелым, будто он веками впитывал в себя чужие тайны. Я переступила порог, сжимая свой новенький записной блокнот, который мне выдали как и всем студентам, и на мгновение замерла. В мире Арканты я, конечно, была еще новичком, и этот зал должен был стать моим первым учебным испытанием.

Я запрокинула голову, и у меня перехватило дух. Потолок терялся где-то в вышине. Мощные балки из темного дерева пересекали все пространство, создавая впечатление скелета великана. Между ними висели люстры, но не кованые, а словно выращенные из самого дерева.

Резные балясины переплетались в затейливые узоры из ветвей и драконьих морд, а вместо свечей в них парили небольшие светящиеся сферы. Их золотистый свет был теплым и каким-то домашним, хотя сам зал пугал своими размерами.

Свет сфер смешивался с дневным, льющим из огромных арочных окон. Они тянулись вдоль всей стены от пола до потолка, и за идеально чистыми стеклами сияло голубое небо. Лето в Арканте было в самом разгаре. Зелень Академического парка выглядела такой сочной и манящей, что на миг мне стало обидно сидеть в этом зале. Впрочем, душным он не был. Скорее, торжественным.

Стены здесь жили своей жизнью. Я провела пальцем по холодному камню и словно прикоснулась к истории. Барельефы покрывали каждый сантиметр стен. Вот сюжеты, где маги прошлого призывают звезды, а к ним из пустоты выходят Первые, боги, которые в последующем разорвали магию в мире Арканты.

Здесь же, на другой стене располагались сцены из Великой войны. Фигуры в мантиях были вырезаны так искусно, что я почти увидела, как развиваются их каменные одежды. В нишах стояли статуи древних магистров магии, и мне показалось, что их пустые глаза внимательно следят за мной. Жутковатое ощущение.

Но самое интересное ждало меня впереди. Столы. Тяжелые, темные, отполированные до блеска локтями сотен студентов до меня. Я подошла к ближайшему и ахнула. На каждой столешнице, перед каждым стулом, лежали стопки книг. Настоящие учебники магии!

Я провела пальцем по корешкам, читая названия, и сердце забило быстрее. «Основы магии. Том 1». Рядом лежала увесистая книга, от которого пахло кожей и древностью: «Травы и цветы Арканты. Ядовитые и целебные свойства».

Сверху, прижимая закладку из засушенного цветка, лежала тонкая новенькая брошюра. Я прочла вслух шепотом: «Этика магического вмешательства или Великое Слияние магии». Я сразу вспомнила мои минувшие дни в этом новом мире.

– Надо же как оперативненько сработали! Вроде я совсем недавно с раной лежала после этого слияния, а они уже брошюру выпустили, – иронично и тихо прошептала себе под нос.

Под ней, с тусклым серебряным тиснением, покоился фолиант, от которого я не могла оторвать взгляд: «Пространственные порталы. Теория и практика расширения внутреннего объема».

Я опустила на стул, положив ладони на гладкую прохладную поверхность стола. Солнечный свет из окна упал на раскрытую страницу, высветив причудливый рисунок растения с черными листьями.

Где-то наверху тихо гудели светящиеся сферы. Блаженная улыбка решила посетить мое лицо, когда я подумала, что не каждому на Земле предоставляется шанс пройти обучение в таком центре магических искусств. Каменные маги на стенах словно одобрительно закивали, принимая меня в свой магический мир.

– Ну что ж, Арканта, кажется, у нас будет интересный семестр, – прошептала самой себе.

Я так увлеклась разглядыванием книг, что не заметила, как зал начал наполняться людьми. Точнее, молодыми магами. Они входили группами, рассаживались за соседние столы, и воздух вокруг них буквально искрился.

У одного парня с черными вихрами на плече сидел крошечный огненный элементаль, похожий на ящерицу из пла-

мени. Девушка с длинными золотистыми волосами заставляла пыль собираться в комки, просто проводя рукой. Я почувствовала себя ужасно обычной.

Всего нас собралось шестнадцать человек. Шестнадцать первокурсников Центра Магических Искусств Арканты. Мы переглядывались, кто-то уже успел перешептываться, и я то и дело ловила на себе любопытные взгляды.

Никто из них не должен был знать, кто я такая. Именно поэтому мы с отцом решили скрыть мое официальное имя – леди Николетта Серебристой Пики. А также умолчали, что я дочь Великого Торона.

Здесь я числилась как простой маг-новичок по имени Летта Кроу. Наверное, как новенькая и совершенно незнакомая им, я привлекла внимание. Потому что мне показалось, что практически все студенты знали друг друга.

Преподаватель появился словно из ниоткуда. Просто возник в проеме двери, и я была готова поклясться, что мгновение назад его там не было.

Высокий, статный, с идеальной осанкой, которую не каждому аристократу дано сохранить и в пятьдесят. Ему на вид можно было дать чуть больше. Это была порода мужчин, которые с годами становятся только интереснее, словно хорошее вино или старая книга в дорогом переплете.

Темно-синий костюм сидел на нем безупречно, будто сшитый лично для него лучшими портными столицы. Не мантия, как я ожидала, а именно костюм. Строгий, благо-

родный, с серебряными запонками, поблескивавшими при каждом его движении. Только тонкая полоска более светлой синей ткани на груди намекала на принадлежность к магическому сообществу. Возможно, это был знак отличия или скрытая защита.

Седые волосы были аккуратно зачесаны назад, с благородной проседью на висках, которая не старила, а придавала облику ту самую внушительность, перед которой хочется выпрямиться и не сутулиться.

Борода была короткой и очень ухоженной, с резко очерченными линиями, которые подчеркивали волевой подбородок и точеные скулы. Настоящий аристократ, каких показывают в фильмах про старую Англию, только здесь, в Арканте, он смотрелся еще органичнее.

Но главное – глаза. Серые, почти стальные, с едва заметной голубизной по краю радужки. Они действительно видели насквозь. Когда его взгляд скользнул по мне, возникло отчетливое ощущение, что он прочитал не только мое имя, но и всю подноготную. Включая тот факт, что я до сих пор не до конца верю в происходящее. В уголках его глаз залегли мелкие морщинки. Не от старости, а от привычки прищуриваться, наблюдая, изучая.

Он остановился в центре зала, и даже светящиеся сферы под потолком, кажется, замерли почтительно. Голос, когда он заговорил, оказался под стать внешности. Глубокий, бархатистый, с легкой хрипотцой, от которой у любого студента

автоматически включалось внимание.

– Магистр Теоретической Магии, – представился он коротко, чуть склонив голову. – Для вас – магистр Тавер из Серебристого Дома. Садитесь, мы начинаем.

И только сейчас я заметила, что все студенты, кроме меня, стоят. А на лице магистра не было ни тени улыбки, когда он осматривал Зал. Только легкое, едва уловимое движение бровей при взгляде на меня, отчего его лицо на миг показалось высеченным из мрамора. Таким же совершенным и таким же холодным.

Я поймала себя на том, что рассматриваю его дольше приличного, и поспешно уставилась в свои книги. Но краем глаза все равно наблюдала, как он прошел между рядами, плавно, почти бесшумно, с грацией человека, который не просто преподает магию, а сам ею пропитан до самых костей.

Без лишних слов он взмахнул рукой, и перед каждым из нас в воздухе загорелась идеально ровная сфера.

– Первое, что вы должны узнать, – начал он, прохаживаясь между рядами. – Магия в Арканте имеет цвет. Ваш личный цвет. Он отражает вашу сущность, ваш дар, вашу predisposedность. Сегодня мы это проверим.

Я сглотнула. Сфера передо мной пока была пустой и прозрачной, как мыльный пузырь.

– Смотрите на других, – продолжил магистр. – Запомните. Магия не терпит суеты.

Первой зажглась сфера у той самой девушки с золоти-

стыми волосами. Яркий, насыщенный синий цвет разлился внутри, словно в сферу налили кусочек летнего неба. Воздух вокруг нее стал прохладнее.

– Водная стихия, – кивнул магистр. – Чистая предрасположенность к потокам. Отлично.

Рядом со мной парень со смуглой кожей сосредоточенно нахмурился, и его сфера вспыхнула глубоким изумрудным светом, в котором запульсировали золотые искры.

– Трансформация и порталный дар. Редкое сочетание. Похвально.

Огненный элементаль на плече брюнета взвизгнул, когда сфера его хозяина запылала алым и оранжевым. Жар дошел даже до меня.

А дальше – больше. Золотой свет у высокой девушки с идеальной осанкой показал «Свет и порядок, достойно», – комментировал магистр. Фиолетовый, мерцающий, у задумчивого юноши в очках – «Ментальные практики, осторожнее с этим». Серый, плотный, как туман, у парня, который все время молчал – «Иллюзии, хороший выбор». Магистр комментировал цвет сферы каждого студента.

Сфера за сферой наполнялись цветом. Красные, синие, зеленые, даже одна угольно-черная, от которой магистр нахмурился, но ничего не сказал. Зал переливался всеми оттенками радуги. Пятнадцать молодых магов сидели в разноцветном сиянии своих первых проявленных искр. Пятнадцать, но не я.

Я смотрела на свою сферу и чувствовала, как внутри все холодеет. Она оставалась абсолютно, пугающе прозрачной. Словно ее и не было вовсе. Я пыталась сосредоточиться, представляла, как внутри загорается цвет – любой! – но ничего не происходило. Магистр остановился прямо напротив меня. Его глаза сузились.

– Интересно, – только и сказал он.

Все головы повернулись в мою сторону. Пятнадцать пар глаз уставились на мою пустую, прозрачную сферу. Кто-то тихо хихикнул. Девушка с синим цветом шепнула соседке что-то, отчего та удивленно вскинула брови.

– Может, она просто не маг? – раздался чей-то голос. – Может, ее зря зачислили?

Щеки защипало от краски стыда, но я заставила себя выпрямиться.

– Великое Слияние изменило магию в нашем мире, – вдруг сказал магистр, и в зале стало тихо. – Как твое имя?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. В данный момент я практически потеряла дар речи от волнения. Несколько секунд, и я собралась.

– Летта Кроу, – пропищала я едва слышно.

– Понятно. Кроу... Хм... Не знаю таких, – он потер подбородок, разглядывая меня с новым, пугающим интересом. – Слияние не просто соединило магию заново. Оно изменило ее. В тебе, девочка, магия стала... иной. Бесцветной.

– Бесцветной? – переспросила я, и голос предательски

дрогнул. – То есть у меня вообще нет дара?

Магистр покачал головой и, к моему удивлению, улыбнулся. Странно, пугающе, но улыбнулся.

– О нет, дитя. Бесцветная магия – это не отсутствие магии. Это магия, которая может стать любой. Вода не имеет цвета, но принимает оттенок всего, что в нее попадает. Воздух прозрачен, но без него нет жизни. Ты понимаешь?

И вот теперь я понимала, о чем он говорит. Конечно, после всего, что произошло со мной в Арканте, теперь было понятно, почему мой серебристый цвет, что я наблюдала в подземелье Магической Башни и на озере, исчез. Я смотрела на свою пустую сферу и думала только об одном – как бы меня не рассекретили.

– Пятнадцать цветов в этой комнате, – магистр обвел рукой зал. – Все они видны, все они красивы. Но представь, что будет, если их смешать.

Он щелкнул пальцами, и все сферы – синие, красные, зеленые, фиолетовые... – взмыли в воздух и столкнулись надо мной. Я вскрикнула и зажмурилась. А когда открыла глаза, то ахнула вместе со всем залом.

Надо мной вращался огромный шар чистейшего белого света. В нем не было цвета, и были все цвета сразу. Он переливался, пульсировал, и от него исходило такое тепло, что мне вдруг перестало быть страшно.

Магистр щелкнул пальцами во второй раз, и сферы вернулись к своим хозяевам. Белый свет погас. А моя сфера снова

стала прозрачной, пустой, насмешливо чистой.

– Бесцветная магия, – тихо сказал магистр, наклоняясь ко мне. – В мире Арканты такого не было никогда на нашей памяти. Береги ее, девочка. И никому не позволяй считать тебя пустым местом.

Я сглотнула и перевела взгляд на одноклассников. Они смотрели на меня иначе. Кто-то с завистью, кто-то с недоверием, кто-то с плохо скрываемым страхом. А я смотрела на свою прозрачную сферу и впервые задумалась: может, быть бесцветной – это не так уж и плохо?

ГЛАВА 2

Первые занятия в магической академии вымотали меня до предела. Теория заклинаний, основы пространственной магии, а после обеда был практикум по созданию артефактов, где я умудрилась подпалить себе манжету. Единственным желанием было добраться до кровати и рухнуть без сил.

Выделенная мне комната находилась в старой башне северного крыла. Когда я толкнула толстую деревянную дверь, она привычно скрипнула, и я шагнула в свое маленькое королевство, где пахло деревом и старыми книгами. Видимо, этот запах здесь был всегда. Наверное, въелся в стены за сотни лет.

Комната была довольно просторной, но из-за покатых стен казалась уютной, как чердак. Узкое стрельчатое окно выходило на внутренний двор, и сейчас в него лился золотистый свет заходящего местного солнца.

Стены над кроватью я увешала эскизами. Это были мои первые наброски рун, которые мне показал отец, схемы сплетений разных энергий магии. На подоконнике, заставленном цветами в горшках, лежал недоделанный мной амулет, который почему-то искрил, если я на него долго смотрела. Отец показал, как создавать свои защитные амулеты, но он тоже не понимал, почему у меня это не совсем получается. Все маги с легкостью могли их делать, но мне это магическое ис-

кусство давалось с трудом.

Книги пока громоздились неровными стопками прямо на полу, потому что в шкафу уже не хватало места и нужно было устраивать настенные полки, чего я тоже пока не могла. Повсюду, там и сям, были разбросаны кусочки металла и камней, кожи и ткани, которые я привезла из Пики, чтобы тренироваться в создании защиты для себя.

Моя кровать, застеленная мягким покрывалом ручной работы Лиар, манила к себе обещанием отдыха. Но этого не случилось. Потому что на половине напротив, которая ещё утром была пуста и стерильна, теперь словно вырос маленький лес.

Я замерла на пороге, забыв закрыть рот. Там, у противоположной стены, где раньше стоял только голый матрас, теперь царила абсолютная, умиротворенная гармония. И в центре этого зеленого оазиса стояла девушка.

Первое, что бросилось в глаза, это ее волосы. Они струились по плечам и спине, словно расплавленное золото, как пшеничное поле под летним солнцем. Светлые, с едва уловимым теплым оттенком.

Девушка обернулась на звук открывшейся двери, и я увидела её лицо. Оно было не просто красивым, оно было каким-то... правильным. Тонкие, но четкие черты, кожа с легким перламутровым отливом, который выдавал в ней эльфийскую кровь, и большие глаза цвета молодой весенней листвы – светло-зеленые, прозрачные, с любопытством смот-

рящие на меня.

Одета она была странно, но удивительно органично. Не в мантию первокурсницы, а в длинную льняную рубаху цвета небеленого полотна, подпоясанную простым кожаным шнурком. Поверх был наброшен жилет, сшитый, кажется, из мягкой замши, с множеством карманов, из которых торчали травинки, какие-то корешки и пара деревянных флаконов.

Широкие штаны из грубой ткани были заправлены в мягкие сапожки. А на ее шее на кожаном шнурке висел маленький мешочек.

Она тут же улыбнулась мне, а улыбка у неё была лёгкой, солнечной, как и её волосы.

– Привет! – голос у неё оказался тихим, мелодичным, с лёгкой хрипотцой. – А я уже начала думать, что эти комнаты достанутся мне одной. Меня зовут Рина.

Я моргнула, пытаясь собраться с мыслями.

– Летта, – ответила я, наконец, закрывая дверь ногой. – Ты... э-э-э... любительница ботаники?

Рина нахмурилась, и её светлые брови сошлись на переносице.

– Бо-та-ни-ка? – по слогам повторила она, словно пробуя слово на вкус. – Красиво звучит, но я такого не знаю. Это какой-то новый раздел обучения? Из Золотого Дома, наверное? Они вечно придумывают сложные названия для простых вещей.

Она вопросительно посмотрела на меня, ожидая объясне-

ний, а я мысленно прикусила язык. Вот же... прокололась. Ботаника. Обычное слово с Земли, которое сорвалось с губ автоматически. Мама не зря говорила: «Летта, следи за языком, ты теперь в другом мире». И вот, пожалуйста, первый же день в академии, и я уже чуть не провалилась с этим «ботаника».

– Э-э-э... ну, это... – я замялась, лихорадочно соображая. – Это такое... старое название. Из очень древних книг. Мой дедушка коллекционировал всякие редкие фолианты, и там иногда попадаются странные слова. «Ботаника» – это про травы, про растения, про всё такое. Просто устаревший термин.

Рина кивнула, и её лицо снова озарилось улыбкой. Кажется, моё объяснение её удовлетворило.

– А-а-а, понятно. У нас в селении одна старушка тоже иногда такими словами говорит, что молодые только переглядываются, – она подошла ближе к своему стеллажу и погладила какой-то мохнатый лист. – Я обычно говорю просто – травничество, уход за зелеными друзьями. Так понятнее.

Я выдохнула с облегчением, надеясь, что мои щеки не слишком заметно покраснели от моей лжи. «Зеленые друзья... Или здесь так говорят, или мне досталась немного сумасшедшая, но приятная соседка по комнатам. Здесь вообще было многое иначе. И этот запах трав, и эти стены из настоящего камня, и девушка с эльфийскими глазами, которая понятия не имеет о моём мире.

Я покосилась на свою сумку, где на самом дне лежал спря-
танный айфон. Беспольный здесь, конечно, но выбросить
рука не поднялась, и пара земных безделушек. Маленькие
свидетели того, что я не отсюда.

– А откуда твой дедушка брал такие книги? – вдруг спро-
сила Рина, и я вздрогнула. – Редкие фолианты с забытыми
словами – это же настоящий клад! Может, там и про травы
что-то полезное есть? Я бы посмотрела...

– Ой, ну они... э-э-э... сгорели, – выпалила я первое, что
пришло в голову. – Да. Печальная история. Пожар. Ничего
не спасли.

Рина сочувственно вздохнула.

– Какая жалость. Знания – это такая ценность. Особен-
но старые знания, когда магия ещё не была разделена. Гово-
рят, в те времена травники умели такое, что сейчас кажется
невозможным, – она мечтательно закатила глаза. – Вот бы
найти такие записи!

Я неловко переступила с ноги на ногу. Врать соседке с
первого дня знакомства – не самое лучшее начало, но рас-
сказывать правду... Ну уж нет. «Привет, я из другого мира,
провалилась в мираж фата-морганы и устроила вам здесь Ве-
λικое Слияние магии, а теперь вот пришла обучаться этой
самой магии, но скрываю свое имя». Это звучало бы как бред
сумасшедшей.

– Слушай, – сказала я, чтобы сменить тему, – а что у тебя
в мешочке на шее?

Рина сразу оживилась, бережно взяла мешочек в ладони.

– О, это! Это сбор от моей бабушки. Она у меня из эльфов, живёт обособленно в лесу, вдали от столицы. Тут травы и один секретный семейный ингредиент, который она никому не раскрывает, – Рина поднесла мешочек к носу и вдохнула, довольно прикрывая глаза. – От недобрых мыслей и злобных магов, и чтобы сон был спокойным. Хочешь, потом сделаю тебе такой же?

– Хочу, – искренне ответила я. И правда хочу. Потому что с тайнами, которые я храню, спокойный сон мне точно не помешает.

Рина тихо рассмеялась и махнула рукой в сторону своего хозяйства. Вдоль её стены стояли самодельные стеллажи из легких дощечек, заставленные горшками и плетеными корзинками. Везде, на подвешенных к потолку пучках, сушились растения.

– Значит ты любительница трав, – подвела я итог своего осмотра.

– Немного больше, чем просто любительница, – она подошла к ближайшему горшку и провела пальцем по резному листу. – Я занимаюсь травами. И всем, что с ними связано. Это моя стихия.

– Это заметно, – я повторно оглядела её половину. У неё даже кровать была застелена покрывалом травянисто-зеленого цвета, а на подушке лежала веточка пахучих цветов, похожих на нашу лаванду. – У тебя тут настоящий сад. Неуже-

ли разрешают столько?

– Пока не выгоняют, – она подмигнула мне. – Главное, чтобы плесень не заводилась и реликты не расползались по общежитию. А у меня с этим строго, – она кивнула на связку каких-то ярко-оранжевых цветков. – Это, например, торши. Они любой вредный дух отпугнут и реликтов.

– Реликты – это что? – решила я уточнить.

– Разные ползающие и летающие вредители. Убивать я не хочу, поэтому проще отпугнуть, – пояснила она.

Я присвистнула, сбрасывая сумку на пол. Усталость как рукой сняло, уступив место любопытству.

– Впечатляет. А я вот пытаюсь сделать себе защитные вещицы, – сказала я, чувствуя себя немного неловко за свой творческий беспорядок. – У меня тут царство камней и железа.

Рина подошла ближе, с интересом разглядывая амулет на моем подоконнике.

– Так это ты всё утро искрила? Я заходила, пока тебя не было, вещи свои ставила. Из-под твоей двери даже дымок шел, – она снова улыбнулась, но в её глазах не было осуждения, только живое любопытство.

Я смущенно потерла затылок. То есть в моей части комнат происходил бардак, пока я была на занятиях. Хорошо, что у каждого студента своя спальня, а общая комната находится посередине.

– А, это... Да, защитный рунный амулет. Что-то пошло не

по формуле, вместо стабилизации – маленький фейерверк. Бывает. Ты не испугалась?

– Я? – Рина покачала головой, и её пшеничные волосы скользнули по плечу. – Меня травами не удивишь, а вот такая магия... – она мечтательно посмотрела на мои эскизы. – Это что-то другое. Я, честно говоря, в ней не очень сильна. Моя сила – в земле, в корнях, в листьях. Я могу почувствовать, чего не хватает растению, могу заставить его расти быстрее или даже... – она замолчала, словно не была уверена, стоит ли говорить. – Ну, об этом потом. Ты научишь меня такой магии и словам? Я не все понимаю из того, что ты говоришь.

– Да я ничего и не умею. Поэтому и пришла учиться, – бодро ответила ей, пытаясь сменить тему разговора.

Рина рассмеялась уже громче, и этот звук наполнил нашу маленькую общую комнату теплом.

– Не стоит смущаться, Летта. Мы все пришли учиться. Смотри, какой у меня есть цветок светила.

Она указала на горшок с диковинным растением, и в этот момент я поняла, что, кажется, мне повезло с соседкой. В этой комнате, пропахшей железом и сухими травами на стыке моих рун и её корней, зарождалась наша первая студенческая дружба.

– Знаешь, – Рина задумчиво перебирала связку сушеных трав, висющую над её кроватью, – я иногда думаю, как нам повезло родиться именно сейчас, а не лет сто назад.

Я отвлеклась от разглядывания её коллекции камней. У неё тоже оказалось несколько любопытных экземпляров, явно подобранных где-то в лесу. И вопросительно подняла бровь.

– Это почему?

– Ну, – она присела на край своей кровати, поджав под себя ноги, – родители много рассказывали. О том времени, когда магия была разделена. Представь: ты рождаешься, и твой дар уже заранее приписан к одному из Домов. Золотому или Серебристому, а хуже того, к Сумеречному. И всё. Точка. Никакого выбора.

Я поморщилась. Мысль о том, что кто-то мог бы указать мне, какой магией заниматься, казалась чудовищной.

– Жуть. А если ты, допустим, чувствуешь тягу к стихиям, а родился в семье, которая веками служит Золотому Дому? И всё, прощай мечты?

– Вот именно! – Рина тут же оживилась. Её светло-зеленые глаза заблестели. – Моя бабушка по отцовской линии, та самая, из лесных эльфов, она вообще вне Домов жила. А вот дед служил Серебристому Дому, занимался восстановлением лесов после огня. Им проще было, они природу чувствовали. А у магов в городах... представляешь, сколько жизней было сломано?

Я кивнула, разглядывая тускло мерцающий камешек в её ладони.

– А теперь, после Великого Слияния, – продолжила Ри-

на, – любой может научиться чему хочет. Конечно, базовые склонности остаются, но нет границ. Многие до сих пор празднуют тот день, когда странная никому неизвестная девушка соединила магию Арканты.

– А твои родители? – спросила я, укладываясь поудобнее на своем плече. – Они к какому Дому относились?

Рина на мгновение замялась, а в её взгляде мелькнула тень какой-то сложной внутренней борьбы.

– Понимаешь, мой дар... ну, по роду, по крови, он должен принадлежать Золотому Дому. Мой отец приносил клятву Золотому Дому, когда был молод. Так было до Великого Слияния. Сейчас эти старые клятвы уже не имеют такой силы, но в моей семье к этому относятся серьезно. Золотой Дом – это правитель нашего мира, это... – она слегка скривилась. – В общем, всё, чтобы жить и радоваться, имея много магов в подчинении.

– А ты? – я уже догадывалась, что она скажет.

– А я... – Рина улыбнулась той самой солнечной улыбкой и обвела рукой своё «зеленое царство», – я вся тут. В травах, в животных. У меня легкость в общении с живым миром. Это чисто эльфийская черта, от бабушки. И это всё – Серебристый Дом. Понимаешь? Они отвечают за всё живое в Арканте. За леса, за реки, за зверей, за целебные корни.

– И как же твои родные к этому относятся? Что ты настроена больше по Серебристому Дому работать и жить?

– По-разному, – вздохнула она. – Отец ворчит иногда, го-

ворит, что металл надежнее травы. А мама... мама понимает. Она вообще рада, что я могу выбирать. Говорит: «Рина, сердце не обманешь. Если тянет к живому – значит, так тому и быть».

Рина провела рукой по пушистому листу какого-то растения, и мне показалось, или оно действительно потянулось к её пальцам?

– Я считаю, что Серебристый Дом – самый важный. Ну подумай сама: без металлов можно прожить, а без еды, без трав, без животных – никак. Они – основа всего. Основа жизни.

– А Золотой Дом, выходит, основа цивилизации? – поддразнила я её.

– Ну да, – легко согласилась Рина. – Но я лучше буду возиться с растениями, чем ковать мечи или множить монеты. Хотя... – она хитро прищурилась, – теперь, после Великого Слияния, я могу и то, и другое изучать, если захочу. Например, как усилить рост растений с помощью металлических сплавов в почве. Представляешь, какие возможности?

– Ого, – я даже приподнялась на локте. – Ты думаешь о соединении магии Домов?

– А почему нет? – Рина пожала плечами. – Великое Слияние магии не просто так случилось. Оно показало, что всё взаимосвязано. И Золото, и Серебро – это части одного целого. Просто кому-то ближе одно, кому-то другое. Вот выйдет та девушка, что нас всех спасла, замуж за правителя Морга-

на, и соединятся Верховные Дома на благо всей Арканты.

Я смотрела на неё и чувствовала, как во мне растёт уважение к этой странной девушке с пшеничными волосами. В ней не было показной мудрости, но было что-то глубинное, настоящее, уходящее корнями глубоко в землю, как те самые травы, которые она так любила.

– Знаешь что, Рина? – сказала я, потянувшись к своим эскизам. – Соединение не всегда хорошо. Нужно брать во внимание и другую сторону. Захочет ли та девушка соединиться с правителем из Золотого Дома? А если она против?

– Почему? – искренне удивилась она. – Правитель Морган такой... Он красивый, умный и прекрасно воспитан. Все женщины Арканты немного влюблены в правителя!

– Возможно, но думаю, что всё же не все. Думаю, что достаточно крепкой дружбы между Домами. Сплавлю-ка я тебе браслет из двух металлов. Золотой и серебряный узор вместе. Будешь носить как символ того, что старые клятвы и новые возможности могут уживаться в одном человеке, и не обязательно подчинять свою жизнь условностям. А уж тем более выходить замуж без любви.

Рина зарделась от удовольствия, и её щеки покрылись легким румянцем.

– Правда? Сделаешь?

– Обещаю. А ты меня за это научишь отличать ядовитые растения от лекарственных. Договорились?

– Договорились, Летта! – рассмеялась Рина, и этот смех

снова наполнил комнату солнечным светом, несмотря на то, что за окном уже начинал сгущаться вечерний сумрак.

ГЛАВА 3

Я проснулась от странного звука. Тихий, но настойчивый шорох доносился откуда-то из-за двери. За окном стояла глухая ночь, луна спряталась за тучи, и комнату заполнял лишь слабый серебристый сумрак. Я приподнялась на локте, вслушиваясь.

Да. Мне не слышалось. Встала и вошла в общую комнату, из которой заглянула к своей соседке.

Рина спала на своей половине, укутавшись в одеяло, и её пшеничные волосы разметались по подушке. Дышала она ровно и спокойно. Будить её не хотелось. Вокруг царила тишина.

Шорох повторился. Теперь я отчетливо слышала, что кто-то скребся снаружи, за нашей дверью. Я бесшумно пошла в сторону выхода из комнат, при этом накинула на плечи теплый плед и, стараясь не издавать звуков, выскользнула в коридор.

Академия ночью была неузнаваема. Днем эти коридоры гудели голосами студентов, эхо шагов смешивалось со смехом, а сферы на стенах горели ярко и приветливо.

Сейчас же замок жил своей собственной, тайной жизнью. Светильники почти потухли, оставляя лишь редкие островки дрожащего света. Основным источником освещения стала луна, пробивающаяся сквозь узкие стрельчатые окна. Её

холодный свет стелился по каменным плитам пола серебристыми дорожками, заставляя тени от статуй казаться живыми, шевелящимися.

Где-то вдалеке капала вода. Шаги мои отдавались тихим шепотом, и я то и дело оглядывалась на статуи горгулий, подпирающих своды. Днем они казались просто украшением, но сейчас... сейчас мне чудилось, что их каменные глаза провожают меня взглядом. Я завернула за угол и замерла.

Впереди, в полосе лунного света, кипела битва. Два маленьких существа катались по полу, сверкая искрами и тихо повизгивая. Одно из них было мне до боли знакомо. Пуш!

Мой серебристый друг, которого я нашла ещё в первые дни в этом мире, когда бродила в потемках пророчества и чувствовала себя потерянной.

Сейчас он был похож на пушистый комок облака, размером с небольшого кота, но очень низкорослый. Его короткие лапки почти не доставали до земли. Шерсть переливалась в лунном свете чистым серебром, а глазки-росинки, черные и блестящие, горели яростью.

Самое удивительное у него было шесть лап, но из-за густого пуха они практически терялись в общем ворсистом силуэте. При каждом его движении в воздухе оставались крошечные серебристые искорки, будто след от падающей звезды. И сейчас это чудо сражалось на моих глазах.

Против него стояло существо, которого я раньше не видела в Арканте. Маленькое, тощее, с длинным подвижным

хвостиком, которым оно хлестало воздух, словно хлыстом. Шкурка у него была ярко-розовой, неестественной, как леденец на палочке. Мордочка острая, злая, а маленькие глазки сверкали недобрым огнем.

– А ну прекратите! – рывкнула я, не думая о последствиях.

Вскинула руку, и магия послушно хлынула из кончиков моих пальцев. Та самая древняя сила, которую я пока плохо понимала, но которая просыпалась во мне в минуты опасности.

Серебристый поток окутал обоих драчунов, и они застыли в воздухе, смешно перебирая лапками, но не в силах двинуться. Пуш жалобно пискнул, узнав меня. А розовое создание зашипело, как рассерженный кот, и выгнуло спину прямо в воздухе.

– Отпусти меня, чужачка! – прошипело оно голосом скрипучим, как несмазанная дверь. – Это не твое дело!

– Ещё как мое, – я подошла ближе, рассматривая пленника. – Ты напал на моего друга.

– Я не нападал! Я просто... исследовал! – фыркнуло существо, дёргая длинным хвостом, который беспомощно болтался в воздухе. – А этот пушистый безумец погнался за мной!

Пуш возмущенно заверещал, пытаясь объяснить что-то на своём языке.

– Тише, тише, – я опустила обоих пониже, но не касаясь пола, чтобы не сбежали. – Давай по порядку. Ты кто вообще

такой?

Существо скривило острую мордочку в подобии улыбки, но улыбка вышла злой, хищной.

– Я Ликорн. Живу здесь с незапамятных времен. Когда мой хозяин умер, я остался в академии. Никому не мешаю, сплю в подвалах, питаюсь остатками с кухни, – оно дёрнуло хвостом. – А сегодня днём учуял кое-что интересное.

– Что именно?

Ликорн прищурился, и в его глазах-бусинках мелькнул странный огонёк, не то злорадство, не то любопытство.

– Тебя, чужачка. На занятиях по общей магии ты свети-лась. Не так, как все эти обычные маги с их заученными формулами. Ты светилась древним светом. Тот, кто носит магию старых кровей, всегда светится для таких, как я.

Я похолодела. Значит, не только я чувствую свою особенность. Меня тоже чувствуют.

– И поэтому ты решил прокрасться в мою спальню?

– А что такого? – Ликорн дёрнул плечиком. – Хотел рассмотреть поближе. Понюхать. Понять, насколько ты сильна. Может, попросить защиты, если ты окажешься достойной. А может, сожрать твою силу, если ты слабая. Но этот... – он кивнул на Пуша, – этот пушистый сторож устроил засаду прямо у порога. И началась битва.

Я перевела взгляд на Пуша. Тот гордо встопорщил шерсть, и серебристые искры посыпались на пол.

– Ты мой охранник, – тихо одобрила я его поведение.

Пуш пискнул утвердительно и посмотрел на меня своими черными глазками-росинками с такой преданностью, что у меня сердце сжалось.

– Ой, какая трогательная сцена, – скривился Ликорн. – Хозяюшка и её верный слуга.

– Он мой друг, – отрезала я. – А ты... Ты просто злобное одинокое существо, которое отвыкло от нормального общения и теперь зол на всех подряд. Я правильно поняла? И вообще, я тебе что, товар в магазине, что ты меня собрался нюхать, жрать и так далее?

Ликорн замер. Его розовая шкурка пошла рябью, и мне показалось, что он слегка сдулся.

– Почему я не понимаю тебя? Слышу, но не понимаю слов! – прошипел он, но в шипении уже не было прежней злости, скорее защита.

– Это же очевидно. Ты давно потерял хозяина. Остался один. Ты злишься на всех магов, потому что они... забыли о тебе? – я говорила наугад, но видела, как дёргается его длинный хвост. – Ты привык выживать сам и никому не верить. Тебе не хватает общения. А когда кто-то новый появляется, ты сначала хочешь его проверить. Угрожаешь, нападаешь, а на самом деле...

– Замолчи! – взвизгнул Ликорн. – Не смей! Ты ничего не знаешь!

– Знаю, – мягко сказала я. – Потому что я сама здесь чужая. Сама никому не доверяю. И тоже ищу... ищу, где моё

место.

Ликорн перестал дёргаться. Он просто висел в воздухе, ссутулившись, и его розовая шкурка теперь казалась не яркой и агрессивной, а блёклой, старой.

– Ты странная, – буркнул он наконец. – Глупая и странная. Отпусти меня.

– Обещаешь не драться?

– Обещаю, – проворчал Ликорн. – Подожду удобного времени.

Я осторожно опустила магический захват, и Ликорн мягко приземлился на каменный пол. Пуш тут же насторожился, но я положила руку ему на пушистую голову, успокаивая.

– Знаешь что, Ликорн? – сказала я, присаживаясь на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. – Если тебе нужна компания, ты можешь приходить. Не в спальню, конечно, а так... В библиотеку, например. Я там часто буду сидеть по вечерам.

Ликорн фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

– Странная, – повторил он. – Ладно, чужачка. За предложение благодарю. Но ты это... осторожнее будь.

– В смысле?

Ликорн оглянулся по сторонам, понизил голос до едва слышного шепота:

– Я, когда к тебе шёл, много чего по коридорам нанюхался. Слухи, знаешь ли, по стенам ползают, – он сделал паузу.

зу. – Правитель Морган приехал в нашу обитель магии. Это странно. Он никогда сюда не заглядывал. В ярости ходит и ругается со старшим магистром, и магинеёй Лиар. Поселился в гостевой башне.

У меня внутри всё похолодело.

– Морган? Правитель...

– Он самый, – перебил меня Ликорн. – И я чую, чужачка, что от него пахнет опасностью. Для тебя лично. Он что-то ищет. Или кого-то. Будь осторожна.

Он развернулся и, прежде чем я успела что-то сказать, растворился в темноте коридора, только длинный розовый хвост мелькнул напоследок.

Я осталась стоять посреди ночного коридора, прижимая к себе тёплого пушистого Пуша, и смотрела в ту сторону, где возвышалась гостевая башня.

Правитель Морган. Здесь.

Ищет что-то.

Или кого-то.

Меня?

– Пойдём, малыш, – шепнула я Пушу, чувствуя, как от страха и холода дрожат руки. – Надо возвращаться, пока Рина не проснулась.

Пуш тихо пискнул, потёрся о мою ладонь, и мы бесшумно двинулись обратно по коридорам, оставляя за собой едва заметный след из серебристых искр.

ГЛАВА 4

Воздух в Зале боевой магии казался мне живым. Он вибрировал, потрескивал от остаточных эманаций заклинаний, словно шкура огромного зверя после драки. Мои шаги гулким эхом отскакивали от каменных плит, исчерченных защитными рунами. Я шла к назначенному времени. В расписании, которое выдали с утра каждому студенту, у меня значилось первое занятие здесь.

Отец рассказывал, что Зал боевой магии никогда не спал по-настоящему. Даже глубокой ночью, когда коридоры учебного заведения пустели, здесь можно было застать тихое, ворчливое потрескивание. Это остаточные плетения заклинаний растворялись в камне, оставляя после себя легкий запах. Это было его любимое место во времена обучения.

Но сейчас, в час дневной практики, Зал ревел. Я стояла у самого входа, прижимая к груди тяжелый фолиант с теорией плетений, и просто смотрела. Это место было создано, чтобы внушать трепет. Он был похож на огромную ротонду, уходящую куполом ввысь, настолько высоко, что теряешь ощущение масштаба. Купол не был каменным, он казался живым, переливчатым, сотканным из спрессованного магического фона. По нему то и дело пробегали серебристые всполохи, похожие на зарницы, когда где-то внизу студенты допускали особо грубую ошибку, и защита купола гасила вы-

брос энергии.

Стены Зала были сложены из грубого, необработанного, странного материала. Черный камень впитывал свет, но в то же время светился изнутри. По его граням струились вплавленные в породу руны. Я чувствовала, что они древние, как сам замок, в котором находился Центр Магических Искусств. Они то затухали, то вспыхивали в такт дыханию магии. Я как будто ощущала их взгляд на себе. Эти руны словно оценивали каждого вошедшего, прикидывая, достоин ли тот стоять на этом полу. Что, скорее всего, было неудивительно, если учесть, что это была не простая школа или пансионат для магов. Отец говорил, что это учебное заведение было высшим среди всех на Арканте, и именно здесь проходили обучение самые талантливые маги.

Пол... Пол был отдельным произведением искусства боевого безумия. Огромная каменная плита, расчерченная на сектора. Каждый сектор имел свой цвет и свое назначение. В центре, там, где сейчас отрабатывали связки старшекурсники, пол и вовсе отсутствовал.

Вместо него зияла бездна, заполненная клубящимся фиолетовым туманом. Над этой бездной, на высоте третьего этажа, висели прозрачные платформы, на которых и стояли студенты. Стоило оступиться, и туман лизнет пятки, но не даст упасть. Просто напомним, кто здесь хозяин. Это я и наблюдала в данный момент.

По периметру, в нишах, горели факелы. Но пламя в них

было не живым, а магическим. Холодное, белое, отбрасывающее резкие тени. В этих тенях, если приглядеться, иногда мелькали сгустки тьмы, и я чувствовала, что это эхо давних поединков, записанное самой магией на камне.

Воздух здесь был плотным, почти осязаемым. Каждый вдох давался с усилием. Магия насыщала пространство настолько, что у неподготовленного человека могла закружиться голова. Пахло железом, травами и почему-то морем. Папа говорил, это из-за того, что сотни лет назад основатели замесили фундамент на крови и соленой воде.

Вдруг Зал загудел, как встревоженный улей. В центре, на ровной площадке, выложенной черно-белой плиткой в шахматном порядке, стояли студенты. Человек двадцать. Они были разбиты на пары и сосредоточенно метали друг в друга сгустки синей энергии. Зрелище было завораживающее. Воздух рассекали светящиеся трассеры, которые с шипением врезались в защитные купола. Студенты должны были удерживать их вокруг себя, как я поняла смысл происходящего.

Кто-то вскрикивал, когда защита давала трещину и заклинание касалось плеча или руки. Ожоги почему-то здесь заживали быстро, но боль была настоящей. Кто-то, наоборот, победоносно скидывал руки, когда его снаряд достигал цели.

Локри стоял в стороне, у высокой тумбы, и даже не смотрел на студентов. Он листал какой-то фолиант, но я знала –

он видел всё, наблюдал за всеми, не смотря прямым взглядом. Каждое движение, каждую ошибку, каждый лишний вздох. Он чувствовал магию кожей, как чувствовала её теперь я. Еще в нашем походе в Магическую Башню я смогла оценить этого полуэльфа.

– Маг Арин, – вдруг произнес он, не поднимая головы. Голос его прозвучал негромко, но его слышали все. – Твой локоть. Подними локоть. Ты не штопаешь рану, ты плетешь боевое заклинание. Держи руку выше, иначе на реальном поле боя ты умрешь раньше, чем успеешь моргнуть.

Девушка неожиданно вспыхнула багрянцем на щеках и поправила локоть. Её щит засветился ровнее.

Я наблюдала за Локри и чувствовала, как внутри закипает раздражение. Он был слишком... невыносим. Слишком естественно смотрелся на фоне этих черных стен и бушующей энергии. Словно сам был частью этого Зала, его неотъемлемым элементом. Он вдруг поднял голову и посмотрел прямо на меня. В его взгляде читалось: «Ну что, налюбовалась?».

Я демонстративно отвернулась, делая вид, что изучаю руны на стене. Зал боевой магии жил своей жизнью. Дышал. Потрескивал. Ждал крови и побед. И сейчас, в компании Локри, он казался мне особенно чужим и опасным местом.

Но самое страшное было даже не это. Самое страшное было в том, что где-то там, в Зале пространственной магии, меня уже ждал Морган. Об этом только что сообщил мне Пуш. И от одной мысли об этом сердце начинало биться быстрее,

чем от любого боевого заклинания.

Я направилась к нему, рассеянно поправляя тяжелую прядь волос, упавшую на лицо.

– Летта! Я рад тебя здесь увидеть, – произнес Локри.

Этот голос... низкий, с легкой хрипотцой, от которого у меня внутри что-то привычно сжалось, а потом оборвалось. Я посмотрела прямо на него, не скрывая своего раздражения. Он переместился к высокому столу с разложенными свитками. Высокомерный и опытный наследник Сумеречного Дома. Тот, с кем мы когда-то... Впрочем, неважно.

– Локри? – мой голос прозвучал на октаву выше, чем обычно. – Ты?... Что ты здесь делаешь?

Он усмехнулся, откладывая свиток в сторону. В его глазах, цвета темного серебра, плясали насмешливые искры. На нем была кожаная одежда преподавателя боевой магии, и сидела она на нем как влитая. Особенно если учесть, что Локри был прекрасным охотником и всю жизнь провел путешествуя.

– Работаю, как видишь, – он обвел рукой Зал. – Решил попробовать себя в преподавании. Занятие, знаешь ли, не самое скучное.

– Преподавание? – я моргнула, пытаясь сопоставить образ вечно скользящего по теням Локри и статиста с указкой.

– Ты? Локри, с каких это пор тебя интересует боевая магия для первокурсников?

– Для старшекурсников, – поправил он, делая шаг ко мне.

– И меня всегда интересовало многое, Летта. Особенно то, что скрыто от глаз.

Между нами повисла тишина. Та самая, напряженная, как тетива лука. Я смотрела на него и чувствовала, как в груди зарождается холодное, липкое беспокойство. Это не могло быть случайностью.

– Странное стечение обстоятельств, не находишь? – тихо спросила я, глядя ему прямо в глаза. – Я приезжаю учиться, и через пару дней ты уже здесь.

– Арканта – маленький мир, – пожал плечами Локри, но его взгляд стал цепким, изучающим. – Тесный.

– Не настолько, – отрезала я. – Но ведь Сумеречный Дом не вмешивался в жизнь Арканты и никогда не направлял своих глав в преподаватели. Он же держался отшельником в тени, насколько я знаю!

Локри вдруг оказался рядом. Так близко, что я почувствовала запах полыни и старой кожи, всегда сопровождавший его.

– Ты думаешь, я здесь из-за тебя? – прошептал он, а в его голосе послышалось напряжение. – Очень самонадеянно, Летта. А может, мне просто надоело прятаться по углам большой игры? Может, я решил занять место за столом?

– Или место наблюдателя, – выдохнула я, не отступая. – Ты ведь никогда ничего не делаешь просто так, Локри. Да?

– Как и ты. И как твой отец, – его губы тронула кривая улыбка. – У каждого из нас есть скелеты в шкафу, моя до-

рогая. Мои хотя бы носят преподавательскую мантию и учат детей защищаться.

Он отступил, и напряжение спало, но осадок остался. Он что-то знал. Или за чем-то следил. Локри не мог просто так здесь оказаться.

– В чем состоят мои занятия и почему? Я ведь с первого курса! – спросила, смотря ему в глаза.

– На данный момент я выдам тебе книгу по боевой магии, и мы начнем обучение с первой главы. Твой отец посчитал, что боевой курс тебе необходим, – спокойно ответил он.

– А отец знает, что этот курс будешь вести ты? – решила я уточнить.

– Мне это неизвестно, – злясь, быстро ответил он.

– Понятно. Прошу вас выдать мне учебник, магистр Локри из Сумеречного Дома, но заниматься я сегодня отказываюсь, потому что совершенно не представляю себе, в чем заключаются опасности. Я хотела бы для начала ознакомиться с материалом, – выдала я, вынимая книгу из его рук.

Голова шла кругом. Хорошо, что никто не слышал нашего разговора. Иначе бы у всех появилось очень много ненужных вопросов. А мне сейчас нужно было отвлечься, и я пошла на занятия по малым порталам. Говорили, что новый преподаватель настоящий виртуоз.

ГЛАВА 5

Зал пространственной магии отличался от всех остальных. Здесь не было стен в привычном понимании. Лишь бесконечная серая дымка, в которой вспыхивали искры переходов. Я вошла и замерла, забыв, как дышать.

У дальней арки, спиной ко мне, стоял правитель Морган. Владыка этого мира. В костюме, с небрежно закатанными рукавами, он собственноручно выплел энергетическую сеть портала.

Его движения были точными, хищными и завораживающе грациозными. Он почувствовал мой взгляд раньше, чем обернулся.

– Летта, – произнес он, и мое имя в его устах прозвучало как ласка. – А я знал, что ты зайдешь.

Я сглотнула, пытаясь унять предательскую дрожь в коленях. Локри здесь – это было подозрительно. Морган здесь – это было... опасно.

– Вы? – только и смогла выдавить я. – Мне сказали, что Вы будете вести у нас порталы? Весь год?

– Весь год, – подтвердил он, приближаясь ко мне с грацией большого хищного кота. – Решил, что скучная работа во дворце подождет. А вот наблюдать за тем, как юные дарования постигают ткань реальности... это бесценно.

Он остановился в опасной близости. Так близко, что я фи-

зически ощутила жар, исходящий от его тела, и этот дурманящий запах... Запах грозы, озона после вспышки молнии, смешанный с чем-то глубоким, терпким, древесно-пряным. Сандал? Или просто запах мужчины, власти и силы, замешанный в один коктейль, от которого мысли путались, а в голове воцарился туман.

Я заставила себя поднять взгляд. И чуть не пожалела об этом. Морган был... непозволительно красив. До зубовного скрежета, до желания то ли убежать, то ли, наоборот, шагнуть вперед и коснуться руками этого совершенства. Он стоял в строгом костюме, в учебном заведении, но он стоял как живое оскорбление всем правилам приличия.

На нём был идеально скроенный темно-синий костюм. Ткань, мягкая и дорогая, облегала фигуру так, словно еёшили лично для него боги портновского искусства.

Пиджак, застегнутый на одну пуговицу, открывал взглядубелоснежную рубашку тончайшего льна и намек на ключицы, которые хотелось проследить взглядом дальше, под ткань.

Рукава пиджака были чуть подвернуты, открывая запястья. Сильные, с рельефными венами, которые выдавали физическую мощь, скрытую под этой аристократичной оболочкой. А под оболочкой было чему скрываться.

Я не могла не заметить, как идеально сидит на нём этот костюм. Широченные плечи, которые расправляли ткань, делая его фигуру похожей на перевернутый треугольник. Иде-

ал, к которому стремились многие мужчины и о котором вздыхали женщины.

Грудная клетка, мощная, как у хищного зверя, плавно переходила в рельефный пресс, который угадывался даже под тканью рубашки, стоило ему сделать хоть одно лишнее движение. И бедра. Узкие, хищные, породистые. Ткань брюк облегалась их безупречно, подчеркивая длинные, сильные ноги.

Он стоял так, словно готов был в любой момент сорваться с места, прыгнуть, ударить, и при этом оставался абсолютно неподвижным, статуарным. Но лицо... Лицо Моргана было отдельным произведением искусства, ради которого стоило пойти на грех.

Черные, как смоль, волосы были зачесаны назад, открывая высокий, благородный лоб и безупречную линию роста волос. Небрежная прядь у виска, казалось, была создана для того, чтобы её поправляли женские пальцы.

Его брови были темные, выразительные, с легким изломом, который придавал лицу вечное выражение надменности и скрытой насмешки. И эти глаза... Глаза цвета расплавленного янтаря с золотыми крапинками, которые, казалось, светились изнутри собственным светом. В них была глубина, в которой хотелось утонуть, и опасность, от которой хотелось бежать без оглядки.

Когда он смотрел на меня вот так, в упор, создавалось ощущение, что он видит не только лицо, не только тело, а саму душу, до самого дна, со всеми тайнами и страхами.

И это совершенство украшали прекрасные точеные скульпы. Высокие, острые, словно вырезанные из камня скульптором, который знал толк в мужской красоте. А губы... Четко очерченные, чувственные, с чуть более полной нижней губой. Губы, которые умели отдавать приказы, от которых армии шли в бой, и целовать так, что женщины теряли голову и забывали собственное имя.

В этом я была уверена. Похвастаться большим опытом за плечами я не могла, но разных книжек и фильмов на Земле я посмотрела достаточно, чтобы уметь ценить мужскую красоту. Но для меня всегда душевная красота стояла на первом месте, а вот внешней красотой, как раритетной картиной, я могла просто любоваться.

Он был из тех мужчин, на которых женщины оборачиваются на улице, провожая взглядом до самого поворота. Из тех, о ком шепчутся за спиной, вздыхая и мечтая о запретном. Из тех, чьи портреты хранят под подушкой, рисуя в воображении сцены страстной, невозможной любви.

Сексуальный. Брутальный. Опасный. И он стоял сейчас передо мной, в полушаге, а смотрел так, словно я была единственной женщиной в мире. Он раздевал взглядом, словно прикидывая, как я буду выглядеть без этого строгого ученического платья.

Передо мной стояло тело воина и правителя, созданное для того, чтобы внушать страх врагам и желание женщинам. Но внешность, это лишь оболочка. Фантик, в который была

завернута бомба замедленного действия.

Я знала от тёти Лияр о её многочисленных подругах, которые были любовницами правителя. Использованные и выброшенные, они просили его пощады.

Я понимала, что за этой скульптурной красотой, за этими золотистыми глазами и чувственными губами скрывается нечто гораздо более тёмное и опасное. То, от чего нормальные люди бегут без оглядки. А глупые, погибают.

Властность читалась в каждом его движении. Даже сейчас, когда он стоял неподвижно, просто глядя на меня, я чувствовала, как давит его присутствие.

Это не было специальным усилием. Он просто не умел иначе. Привычка повелевать, рождённая кровью и правом сильнейшего, въелась в него на уровне костного мозга. Он не спрашивал. Он требовал! Не предлагал. А ставил перед фактом! Даже когда целовал, даже когда шептал те самые опасные, сладкие слова, от которых подкашивались колени у женщин.

В уголках его губ, когда он смотрел на мою реакцию, таилась жестокость. Не показная, не садистская. Нет! Это была спокойная, уверенная в себе жестокость хищника, который знает, что рано или поздно добыча сама придёт к нему в пасть.

Он мог быть нежным. Я предполагала это. Но нежность в нём всегда была выбором, уступкой, игрой. А под ней, глубоко в золоте радужки, спал зверь. Тот самый, что отпра-

лял на плаху целые роды, не моргнув глазом. Тот самый, что подписывал смертные приговоры, даже не допив свой утренний напиток.

Лияр рассказывала, как однажды он наказывал своего провинившегося советника. Не казнил. Просто смотрел на него. Молча. Минуту. Две. Советник побелел, потом позеленел, потом рухнул на колени и разрыдался, вымаливая прощение. Морган тогда усмехнулся, той самой усмешкой, краешком губ, и махнул рукой, отпуская. Как надоевшую муху. Как пустое место. Правитель не прощал. Он просто переставал замечать.

И сейчас, стоял так близко, что я чувствовала жар его тела. Я вдруг остро осознала: он видит во мне не просто Николетту, не просто девушку из знатного рода. Он видит вызов. Игрушку. Территорию, которую ещё не завоевал.

Я сглотнула, понимая, что засмотрелась. И судя по усмешке, дрогнувшей в уголках его губ, он это прекрасно заметил.

– Тебе нравится то, что ты видишь, юная магиня? – промурлыкал он, а его голос, низкий, бархатистый, с хрипотцой, прокатился по моей коже, как физическое прикосновение.

Чёрт. Попалась.

– Я оцениваю противника, – выдавила я, надеясь, что мой голос звучит ровно.

– Противника? – его брови взлетели вверх, а в глазах заплясали золотые чертики. – Дорогая, если бы я был твоим противником, то бой закончился бы ещё до того, как ты успе-

ла вздохнуть.

Он сделал ещё полшага ко мне. Теперь между нами не осталось расстояния. Я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань своего платья. В полной мере ощущала этот сводящий с ума запах. Видела каждую золотую крапинку в его глазах.

– Но я не противник, Николетта, – прошептал он, склоняясь к моему уху. – Никогда не был. И ты это знаешь.

Я знала. В этом и была проблема.

– Морган, – прошептала я, оглядываясь, не смотрит ли кто. – Это несерьёзно. Вы не можете просто так... Правитель не может...

– Могу, – перебил он, и в его глазах вспыхнули золотистые искры. – Я могу всё, что захочу, маленькая Летта. А я захотел быть здесь.

Он наклонился, и я замерла. Его ладонь легла мне на талию, притягивая ближе, а через мгновение его губы накрыли мои. Поцелуй был требовательным, властным, от него перехватывало дыхание и плавилась кости.

Это длилось всего секунду. Я уперлась ладонями ему в грудь, твёрдую, как каменная плита, и оттолкнула, чувствуя, как горит мое лицо.

– Морган! – выдохнула я, злясь на него и на себя за то, как сильно колотится сердце. – Это непозволительно! Здесь студенты! И я...

– Не одобряешь наш союз? – усмехнулся он, ничуть не

смутившись. В его взгляде читалось откровенное мужское удовлетворение. – Твои глаза говорят обратное, Николетта. Но я подожду. А ученики ничего не видят. Не стоит переживать. Моя магия на многое способна. Ты это еще увидишь.

Я отступила на шаг, пытаюсь вернуть себе способность мыслить здраво. Сначала Локри, теперь Морган. Оба здесь. Оба рядом. Это уже не могло быть совпадением.

– Простите, Правитель, – холодно произнесла я, хотя голос дрожал. – Мне нужно идти.

В его глазах горел тот самый охотничий азарт, от которого у меня внутри всё сжималось в тугий узел. Не страх! Нет. Скорее, предвкушение схватки. Потому что я знала: если я поддамся, если позволю ему взять верх, то он потеряет интерес быстрее, чем я успею моргнуть.

Моргану не нужна послушная кукла. Ему нужна та, кто будет царапаться, кусаться, стоять до последнего. Чтобы потом, сломав, наслаждаться победой в полной мере.

Жестокий. Расчетливый. Холодный, как зимнее море.

Но при этом маняще пахнувший грозой и властью. С этими невыносимо красивыми глазами, в которых плескалось золото и тьма. И от этого контраста, между тем, что я знала о нём, и тем, как отзывалось моё тело на его близость, хотелось завыть.

Он протянул руку и медленно, едва касаясь, провёл пальцем по моей скуле. Кожа горела под его прикосновением. Взгляд Моргана стал глубже, темнее, и на миг мне показав-

лось, что я вижу в нём что-то настоящее. Не маску правителя, не игру соблазнителя, а его самого. Такого, каким он бывает только наедине с собой. Уставшего от власти. От вечной войны. От одиночества на вершине.

Но видение мгновенно исчезло так же быстро, как появилось. Усмешка вернулась на место, золотистые чертики заплясали в его глазах.

– Ты дрожишь, девочка моя, – прошептал он. – Боишься меня?

– Вас? – я вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза. – Никогда.

– Зря, – его голос стал тише, интимнее, и от этого ещё страшнее. – Меня стоит бояться, Николетта. Очень стоит.

Он наклонился ещё ближе, и я почувствовала его дыхание на своих губах.

– Но не потому, что я могу сделать тебе больно, – продолжил он, а в его голосе зазвенело негодование. – А потому, что рядом со мной ты захочешь забыть, кто ты есть. Стать моей. А я, – он коснулся губами уголка моих губ, – не умею делиться. И не умею отпускать. Когда я возьму тебя, ты будешь моей навсегда. До последнего вздоха. До последней капли крови. И даже смерть не станет поводом для развода.

Я замерла, чувствуя, как холодок пробегает по моему позвоночнику. Это не было угрозой. Это было предупреждение. Честное. Жесткое. И отчего-то до дрожи возбуждающее.

Морган отстранился, и на его губах играла та самая дьявольская усмешка.

– А теперь иди, Николетта. У нас уже скоро следующее занятие с тобой. И помни: я никуда не тороплюсь. Я умею ждать. И я всегда получаю то, что хочу.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя его взгляд между лопаток. Спина горела, сердце колотилось где-то в горле, а в голове бились мысли: что это сейчас было? Почему никто из студентов не видел, что происходило между нами? Почему я стояла как сама не своя?

Не дожидаясь ответов, я развернулась и буквально выбежала из Зала. Мне нужно было срочно поговорить с отцом.

ГЛАВА 6

Я нажала на отцовский порталный камень, даже не переодевшись после занятий. В руке всё ещё была зажата студенческая сумка, волосы растрепались от быстрого шага по коридорам магической школы. А в груди полыхал пожар из вопросов, страхов и того самого липкого, неприятного чувства, когда понимаешь – что-то не так. Совсем не так.

Портал выбросил меня прямо в кабинет главы верховного Дома. В Серебристой Пике всегда нежно пахло серебристой магией и старыми книгами. Отец сидел в своём кресле у камина, с раскрытым фолиантом на коленях, и при моём появлении даже бровью не повёл.

– Я ждал тебя раньше, – сказал он спокойно, закрывая книгу. – Часа на два.

Я вздохнула, бросила сумку на пол и рухнула в кресло напротив него.

– Пап, у меня крыша едет. Серьёзно. Я сейчас всё расскажу, а ты скажешь, что я параноик, но...

– Дочь, – перебил он мягко. – Дыши ровно. Успокой свой гнев. Сначала травяной чай. Потом слова.

Он щёлкнул пальцами, и на столике между нами появился горячий глиняный чайник с серебристым отваром. Тем самым, от которого успокаивались нервы и прояснялась голова.

Я ненавидела, когда он так делал. Но всегда послушно пила. Сделала глоток. Потом ещё один. Чай обжёг горло и провалился в желудок горячим комком, но в голове действительно стало чуть яснее.

– Хорошо, – начала я, ставя чашку на стол. – Слушай. Сегодня в Центре Магических Искусств был день открытых дверей для сумасшедших. Во-первых, Локри. Он теперь работает там преподавателем боевой магии. Представляешь? Локри! Наследник Сумеречного Дома, который терпеть не может публичность, вдруг решил учить студентов запускать боевые магические снаряды и ставить защиту.

Отец нахмурился, но промолчал, жестом предлагая продолжать.

– Я спросила его, что он там забыл. Он сказал, что это новая работа и ему интересно. Но пап, ты же знаешь Локри – он врёт, даже когда молчит. Я чувствую это. Он там не просто так. Он за кем-то следит. Или за чем-то.

– Локри всегда был тёмной лошадкой, – задумчиво произнёс отец. – Но чтобы в преподаватели... Это странно. Очень странно. Сумеречный Дом никогда не занимался обучением других магов. Продолжай.

– Это ещё не всё, – я глубоко вздохнула. – После занятий с ним я пошла на факультатив по малым порталам. Говорили, что новый преподаватель – виртуоз. И знаешь, кто там был?

Отец прищурился.

– Знаю.

– Правитель Арканты – Морган, собственной персоной. Он будет вести у нас порталы весь год. Весь год, пап!

Отец резко выпрямился в кресле. Книга, которую он держал на коленях, со стуком упала на пол, но он даже не обратил на это внимания.

– Это я и предполагал, а потом и узнал, – его голос зазвучал злостью.

– Я с ним говорила, – тихо ответила я. – Он подошёл ко мне сам. Сказал, что устал от бумаг во дворце и хочет наблюдать за юными дарованиями.

– Чушь, – отрезал отец, начиная ходить по кабинету. – Полная чушь. Правитель Золотого Дома не бросает трон ради того, чтобы смотреть, как юнцы рисуют порталы.

– Я знаю. Лияр рассказывала, – кивнула я. – Но это ещё не всё. Пап... он... – я запнулась, чувствуя, как щёки заливают краска. – Он поцеловал меня.

Отец замер на месте. Повисла тишина, тяжёлая, как свинцовое одеяло.

– Что значит поцеловал? – спросил он ледяным тоном.

– То и значит. Подошёл, притянул к себе и поцеловал. Прямо в Зале пространственной магии. При всех. Ну, почти при всех. А потом сказал, что будет ждать, когда я сама придду.

– Тварь, – выдохнул отец, и в его голосе послышалось такое, отчего мне стало не по себе. – Как он посмел? Ты студентка, он преподаватель. Он Правитель, в конце концов!

Это... это нарушение всех мыслимых границ!

Отец резко развернулся ко мне, и я увидела в его глазах тот самый холодный гнев, который обычно предшествовал чьей-то очень скорой и мучительной моральной порке.

– Ниолетта, послушай меня внимательно. Ты чувствовала что-то странное, когда он был рядом? Какое-то давление? Нежелание, но невозможность отказать? Что-то, что заставляло бы тебя делать то, чего ты не хотела? Я замерла, поражённая точностью вопроса.

– Да, – прошептала я. – Именно это. Я... я не могла ему отказать, пап. Не то чтобы не хотела – я физически не могла сказать «нет». Я хотела оттолкнуть его, когда он поцеловал меня. Но мои руки... они просто лежали на его груди и не двигались. А вот когда я разозлилась сверх обычного, тогда да, я смогла его оттолкнуть. В голове все было как в тумане.

Отец выругался. Я редко слышала от него ругательства, но сейчас он не сдерживался.

– Это магия Правителя, Ника. Ментальная. Эмпатическая. Иллюзорная, – он говорил быстро, жёстко, чеканя каждое слово. – Золотой Дом всегда славился этим. Морган может манипулировать мыслями магов. Нашими чувствами. Он может создать иллюзию, видения... Заставить тебя видеть то, чего нет, или не видеть то, что есть. Он может влиять на твои эмоции. Усиливать страх, или наоборот, притуплять его. Может сделать так, что ты захочешь того, чего на самом деле не хочешь. Или не захочешь того, чего хочешь.

– Подожди, – я вскочила с кресла. – Ты хочешь сказать, что те чувства, которые я... которые я, возможно, начинаю к нему испытывать в момент общения с ним, это всё его магия?

– Я хочу сказать, что ты никогда не узнаешь наверняка, – отец подошёл ко мне и положил руки на плечи. – Пока он рядом, пока его магия касается тебя, ты не можешь быть уверена ни в одном своём чувстве. Он может внушить тебе всё, что угодно. Даже любовь. Особенно любовь.

Мне стало холодно. Нет, не просто холодно! Ледяная тоска возникла на душе. До костей, до самого нутра.

– Но зачем? – прошептала я. – Зачем ему это?

– А вот это, дочка, самый главный вопрос, – отец сжал мои плечи крепче. – И ответ на него мне очень не нравится. Ты – стержень Серебристого Дома и я подозреваю, что отныне ты часть Магической Колыбели. Если Морган получит контроль над тобой, он получит контроль над всем. А это – власть, Ника. Огромная власть. Возможно, даже решающая в большой игре.

Я сглотнула. Ком в горле не проходил.

– А Локри? – спросила я. – Он тоже за этим?

– Локри – единственный наследник Сумеречного Дома, – напомнил отец. – И он всегда был слишком умён, чтобы играть по чужим правилам. Я не знаю, зачем он там. Но если они оба крутятся вокруг тебя... это неспроста. Совсем неспроста.

Он отпустил мои плечи и отошёл к окну, глядя на ночное небо за стеклом.

– Ника, я хочу, чтобы ты вернулась домой. Перевелась на домашнее обучение. Мы найдём тебе лучших учителей, ты будешь заниматься здесь, в Серебристой Пике, в безопасности. Ни Морган, ни Локри не смогут до тебя добраться.

– Нет, – ответила я твёрже, чем ожидала от себя. Отец резко обернулся.

– Что значит – нет?

– Я не сбегу, пап, – я подошла к нему и встала рядом, глядя в то же окно. – Если я уйду сейчас, я никогда не узнаю правду. Я буду всю жизнь гадать – это была его магия или мои настоящие чувства. Я буду бояться собственных эмоций, собственных желаний. Я не хочу так жить.

– Ника, девочка моя, это опасно, – голос отца стал мягче, но в нём звучала мольба. – Ты не понимаешь, на что способен Морган. Он не просто красивый мужчина, от которого у девушек подкашиваются колени. Он Правитель. Он убивал. Он разрушал целые династии. Он...

– Я знаю, – перебила я. – Знаю, пап. Но я тоже не простая дурочка с ромашками в голове. Я умею защищаться. И если я сейчас сбегу, я никогда не узнаю, кто я на самом деле. Смогу ли я противостоять ему или нет. Выдержу ли я. Это мой выбор.

Отец долго смотрел на меня. В его глазах боролись гнев, страх и гордость. Кажется, гордость всё-таки победила.

– Ты точно выдержишь? И Моргана, и Локри? – спросил он тихо.

– Выдержу, – твёрдо ответила я. – А ты мне в этом помо-
жешь.

– Хорошо, – он вздохнул и снова опустился в кресло, жестом предлагая мне сесть напротив. – Тогда ответь мне на один вопрос. Только честно. Ты точно не любишь кого-то из них? По-настоящему, без всякой магии?

Я замерла. Вопрос ударил точно в цель, в самое болезненное место.

– Я... – начала я и запнулась.

Перед глазами вдруг всплыло совсем другое лицо. Не Морган. Не Локри. Другое. Тёплое, с веснушками на носу и смеющимися глазами. Тот, с кем я гуляла по городу прошлым летом. Тот, кому позволила украсть свой первый настоящий поцелуй. Тот, с кем рассталась месяц назад, разрываясь между чувствами и его предательством.

– Пап, – выдохнула я, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. – Я не знаю, что такое любовь.

Отец молчал, глядя на меня с той особенной отцовской внимательностью, от которой ничего нельзя было скрыть.

– Я дружила с одним парнем, – начала я, и слова потекли сами собой, как вода сквозь пальцы. – Он предал меня, и я это увидела. Он весьма охотно занимался сексом с моей подругой. Это было месяц назад, в земном мире. Я рассталась с ним в одно мгновение, а когда оказалась в Арканте,

то забыла его. Понимаешь? Совсем. Когда мы были вместе, я думала, что это любовь. Что это и есть то самое чувство, о котором пишут в книжках.

Я сцепила пальцы в замок, чтобы не дрожали. Отец молчал, видимо давая мне выговориться. Сейчас я злилась на себя за эту слабость.

– Я не знаю, что такое любовь, пап, – повторила я, глядя ему в глаза. – Потому что если бы я знала, если бы я действительно любила того парня, я бы не смогла его так быстро забыть. А я... я почти забыла. Мне стыдно, но я ловлю себя на том, что не помню цвета его глаз. Не помню, какой у него голос.

Отец потянулся и накрыл мои руки своей ладонью.

– Дочка, – сказал он тихо. – Ты не виновата. Любовь – это не то, чему учат в школах. Это не то, что приходит по расписанию. Иногда люди ошибаются, принимая привязанность за любовь. Иногда им кажется, что тепло – это и есть то самое чувство. Но любовь... любовь – это когда ты готова сгореть дотла, но не отпустить. Когда ты выбираешь человека снова и снова, даже когда всё против вас. Когда ты помнишь цвет его глаз через десять лет, через двадцать, через сто.

Я молчала, примеряя эти слова на себя, и понимала, что таких чувств я не испытывала еще.

– Ты забыла его, потому что не любила, – продолжил отец. – Ты просто хотела любить. Ты хотела быть нормальной девушкой. Но твоя любовь, когда она придёт, будет такой же

огромной и опасной, как и ты сама. Она не поместится в летний роман на пляже. Ей нужен будет масштаб. Буря. Пожар.

Он сжал мои пальцы.

– И я очень боюсь, дочка, что Морган это знает. И что он пришёл не только за властью над Домами, а за тобой. Настоящей. Той, которая ещё не знает, на что способна. Я был наставником Моргана в его юности и знаю, что он не сможет отказаться от тебя.

Я подняла на него глаза.

– И что делать?

– То, что ты уже решила, – отец грустно улыбнулся. – Идти вперед и не сдаваться. Разбираться в себе. Учиться чувствовать и отличать своё от чужого. А если станет совсем невесту – ты знаешь, где портал домой.

– Пап, – спросила я, не оборачиваясь. – А ты маму любишь?

Наступила тишина. Долгая, тягучая.

– Всегда. С первого дня нашего знакомства, – ответил отец так тихо, что я едва расслышала. – И цвет её глаз помню, и голос. И то, как она смеялась. Очень надеюсь, что она меня простит. Но пока у нас сложные отношения. Я рад уже тому, что она согласилась подумать о переходе в наш мир.

Я кивнула, понимая, что он прав. На сердце стало спокойно. Уверенность, что я не одна, что отец всегда поддержит меня, затмила все страхи.

– Спасибо, пап. А ты можешь подсказать мне, как проти-

востоять магии Моргана?

Я смотрела, как отец ворошит угли в камине, и чувствовала, как внутри закипает злость. На Моргана и на всю эту ситуацию.

– Пап, – мой голос прозвучал резче, чем я планировала. – Я хочу спросить. Чему именно ты его учил? Моргана.

Отец выпрямился. В свете огня его лицо казалось напряженным.

– Мужчины в молодости часто переоценивают себя, Ника, – сказал он тихо. – А уж властные мужчины – в первую очередь.

Он отошел к столу, и я закатила глаза. Лекцию о природе мужского эго я меньше всего хотела слушать сейчас.

– Им кажется, что мир построен из кирпичей их воли, – продолжил отец. – Что все люди – пешки, а женщины – награда, которую можно взять силой. Они верят, что их магия, статус, ум – ключ к любому сердцу. Это ошибка.

Я молчала, сжимая кулаки.

– Но судьба любит шутки, – отец поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то странное. – Однажды она сталкивает мужчину с такой женщиной, которая не укладывается в рамки. Которую нельзя купить, запугать, очаровать. И часто вместо того чтобы учиться на ошибках, мужчина раздражается. Я учил его контролировать свою магию и правильно её направлять, отключая чувства.

Он вдруг подошел и положил руки мне на плечи. Тяже-

лые, теплые.

– Я был его наставником. Я знаю его слабые места. Каждый маг оставляет в плетении след, который можно заблокировать.

Я почувствовала, как воздух вокруг начал вибрировать. Стало трудно дышать, но я заставила себя стоять неподвижно.

– Стой смирно. Я сплету вокруг тебя кокон. Он не пропустит ни одного его магического воздействия.

Прозрачное марево окутало меня с головы до ног, на секунду вспыхнуло и исчезло. Я даже не почувствовала разницы.

– А он? – спросила я, боясь поверить. – Он узнает об этом?

Отец убрал руки и усмехнулся. Я никогда не видела у него такого выражения лица – хищного, довольного.

– Никто не узнает. Пусть Морган ломает голову, почему его магия дает сбой. Или, еще лучше, пусть думает, что это ты – та самая женщина, которая ему не по зубам. Для такого эго, это страшная пытка.

Он отвернулся к камину, а я стояла, пытаюсь осмыслить. Защита. У меня есть защита от Моргана.

– А если он не магией, а просто... – я сглотнула.

Отец даже не обернулся.

– Кокон, Ника. Он называется «защитный». А теперь иди отдыхай. Мне тоже нужно отдохнуть после такого сильного воздействия. И помни: иногда лучший способ победить мон-

стра – сделать так, чтобы он почувствовал себя бессильным. Я горжусь тобой, дочь. Неважно, что будет дальше. Ты – моя дочь. А мы, серебристые, не ломаемся.

Я вышла из комнаты, прислушиваясь к себе. Ничего. Никаких изменений. Но где-то на коже, под одеждой, я почти чувствовала тонкую, невидимую нить, обернутую вокруг меня.

Пусть только попробует, Морган. Посмотрим, кто кого.

ГЛАВА 7

Серебристая Пика в моих покоях встретила своей особенной тишиной. Пуш остался в Центре Магических Искусств охранять нашу комнату. Зеф где-то проводил время с драконом Шендолом. Лоуд, элементаль Серебристой Пики, пояснил мне, что они очень сдружились, пока меня не было. Поэтому, видимо, сейчас стояла успокаивающая тишина.

Есть тишина, которая давит на уши, как ночная в коридорах старого замка центра обучения. А здесь была другая. Живая, что ли. В ней уютно потрескивали дрова в камине, а магические светлячки под потолком мерцали, как гирлянды на новогодней елке. Сегодня в этой тишине звенело предвкушение.

Я переоделась и стояла у окна в гостиной Лияр. Бессмысленно водила пальцем по ледяному узору на стекле. Мама должна была прибыть в Арканту. Сердце колотилось где-то в горле, как пойманная птица. Радость перемешалась с горьким осадком после разговора с тетей.

Дверь открылась без звука.

– Николетта, – тихо позвала Лияр.

Я обернулась и, кажется, забыла, как дышать. На пороге стояла мама и тетя. Она выглядела встревоженной, а у глаз появились морщинки. Но глаза... Эти глаза смотрели с такой любовью и надеждой, что у меня защемило в носу.

– Мама...

Я не помню, как преодолела разделявшие нас метры. Я просто врезалась в нее, уткнулась носом в плечо и вдохнула такой родной запах.

– Прости меня, девочка моя, – шептала она, глядя меня по голове дрожащей рукой. – Я так боялась... и не решилась прийти раньше, после нашего разговора с твоим отцом.

Ее платье под моими щеками намокло от слез. Обида, непонимание и огромная, просто космическая любовь боролись внутри меня.

– Почему? – спросила я глухо, не желая отлипнуть от нее. – Ну почему ты не пришла сразу?

– Здесь был он. Твой отец, – так же тихо ответила она. – Мне было слишком больно находиться с ним в одном мире, в одном доме. Я не была к этому готова.

– А теперь?

– Теперь твоя тетя сказала мне то, что я должна была понять давно. Что Торон все еще любит меня. А я, дура, позволила гордости украсть у нас почти месяц.

В комнате повисла пауза, полная тяжёлого, но такого важного примирения. Тут Лияр кашлянула, привлекая внимание. Я и забыла, что мы не одни.

– Николетта, я обещала тебе знакомство. Пора сдержать слово, – она обернулась к двери. – Сын, иди сюда. Димитрий, хватит прятаться, тут не страшно.

Из-за косяка показался молодой человек. Высокий,

немного взлохмаченный парень, на вид чуть старше меня. Густые каштановые волосы, которые он, судя по всему, имел привычку постоянно ерошить, смешные, чуть вздернутый нос и глаза... Глаза цвета темного янтаря, с медовыми искорками, живые и очень смущенные. Смотрелся он здесь, посреди магической гостиной, как современный рэпер, случайно забредший на балет. Забавно и мило одновременно.

Димитрий... Я сразу мысленно окрестила его Димой, потому что «Димитрий» звучало слишком пафосно.

Он неловко переступил с ноги на ногу и улыбнулся. Улыбка у него оказалась открытая, без капли той надменной дури, к которой я привыкла в Центре Магических Искусств от других студентов.

– Привет, – у него был глубокий голос. – Я Дим... то есть Димитрий. Мать много о тебе рассказывала. Рада? – он запнулся, и я поняла, что он волнуется не меньше моего.

Лияр встала между нами и неторопливо начала говорить: – Николетта, это мой сын. Димитрий. Твой... двоюродный брат, о котором я тебе много рассказывала. Слияние магии, которое ты устроила, позволило восстановить силы Домов и вновь посещать другие миры. Благодаря тебе я смогла обрести своего сына.

Я почувствовала, как мои брови уползают куда-то к линии роста волос. Лияр все же отыскала своего сына? И он стоит тут, в куртке с Земли, и выглядит так, будто сейчас спросит, где тут вай-фай.

– Расскажешь? – только и смогла выдавить я.

– Долгая история, – вздохнула Лияр. – Давайте сядем и выпьем чаю. Это надолго.

Мы расположились в креслах у камина. Лияр начала рассказ. История была та еще! Ее первая любовь, наш земной мир, невозможность остаться, сын на руках и решение оставить его отцу на Земле, чтобы рос в безопасности, пока ее призвала Серебристая Пика. Дима сидел как на иголках, видимо, вновь переслушивая драматическую историю своих родителей.

– Я воспользовалась первой же возможностью, как утихла магия после Великого Слияния, – продолжала Лияр, глядя на сына. – Пришла к нему. Рассказала всё. Про магию, Арканту, про то, кто он есть на самом деле.

Дима хмыкнул и повернулся ко мне.

– Представляешь? Приходит тетя, которой ты никогда не видел, и заявляет: «Сынок, я волшебница, ты тоже, и мы должны жить в другом мире. Пойдем», – он закатил глаза. – Я, конечно, подумал, что она сбежала из дурдома. Или что ей нужны деньги. Это было слишком... жуть.

– Но ты здесь, – заметила я. – К тому же у меня было покруче. Потом расскажу.

– Ага, – он усмехнулся. – Уговорила просто посмотреть. Думал, ну ладно, схожу, потом буду друзьям рассказывать, как сходил на встречу с «сумасшедшей родственницей». А вдруг появился портал... И когда я увидел это фиолетовое

небо, эти скалы, висящие в воздухе, и когда у меня внутри как будто мотор включили... — он почесал затылок. — Я понял, что это не прикол. Пришлось поверить. И простить. Она же не от бессердечия меня бросила, а чтобы защитить. Короче, теперь я тут.

Лияр опустила глаза. А мама рядом с ней тихонько сжала ее руку.

— А твой муж? — спросила я у тети. — Тот, кого ты любила? Не пошел с вами?

Лияр подняла голову. В глазах была спокойная грусть, но без надрыва.

— У него новая семья. Он счастлив. Я не стала вламываться в его жизнь с призраками прошлого. Я пришла только за сыном, — она посмотрела на Диму, и в этом взгляде было столько света, что у меня защипало в носу снова.

Дима порывисто накрыл ее ладонь своей. Смотрелось это трогательно и чуть неуклюже, как у щенка, который пытается обнять кота.

— Так, — сказал он бодро, видимо, чтобы не раскисать. — План такой: я поступаю в ваш универ чего-то там связанного с магией. Раз уж во мне течет эта ваша магия крови, надо учиться ей управлять, а то мало ли, случайно не ту дверь открою или кого-нибудь в жабу превращу. А там посмотрим, где пригодится: тут или дома.

В его словах чувствовалась такая уверенность, будто он всю жизнь решал судьбы миров, а не узнал о них день назад.

Я смотрела на него и чувствовала, как между нами протягивается что-то теплое. Я всегда была одна. А теперь у меня появился брат. Симпатичный, с добрыми глазами, и, кажется, с отличным чувством юмора. Прямо подарок судьбы!

– Не пожалеешь, – улыбнулась я ему. – Здесь, конечно, замороченно, но скучно не будет. У нас тут и драконы летают, и артефакты взрываются, и политические интриги покруче «Игры престолов». Заскучать не дадут.

Дима усмехнулся, и его янтарные глаза потеплели.

– О, отлично. Значит, будешь моим личным гидом по этому бедламу, сестренка?

От слова «сестренка» у меня в груди что-то приятно екнуло.

– Договорились, братишка. Только предупреждаю: если спросишь, где у нас тут макдональдс, я сделаю вид, что мы не родственники.

Дима расхохотался. Громко и искренне.

– Лады. А если ты захочешь узнать, кто такой Стив Джобс, я тоже буду отнекиваться.

Мама и Лияр переглянулись поверх наших голов. В их взгляде было столько всего: и боль, и надежда, и облегчение. Кажется, старые раны начали затягиваться.

Вечером, когда за окнами сгустились сиреневые сумерки, Лияр объявила:

– Завтра на рассвете мы отправляемся в Центр Магических Искусств. Мне пора приступить к преподаванию, а вам

к учебе. А теперь спать.

Все встали и разошлись по своим комнатам, но через несколько минут я услышала тихий стук в мою дверь. Кто за ней стоит, я уже знала, почувствовала. Приоткрыла входную дверь и тихо произнесла:

– Заходи. Так и думала, что придешь.

Мы с Димой разместились на балконе и молчали несколько секунд, глядя на россыпь незнакомых ему звезд. Он толкнул меня плечом.

– Слушай, а драконы тут прямо настоящие? Или как?

– Настоящие, – ответила я. – Только ты их сначала не увидишь. Будут тебя гонять по теории плетений магической энергии, как в школе по физре.

– Фу, – скривился он. – А можно мне сразу к драконам?

– Нельзя. Сначала теория, потом практика. Закон подлости работает во всех мирах.

Дима вздохнул.

– Ладно. Зато не скучно. Слушай, а у вас тут интернет есть?

– Ха-ха, – я пихнула его в ответ. – Забудь это слово. У нас тут магические связи. Работают безлимитно, но ловят только по настроению.

– Жесть, – резюмировал он и улыбнулся.

Впереди была новая жизнь. И начиналась она просто от-лично с этого момента, потому что у меня появился человек, который говорит со мной на одном языке и одними интере-

сами.

ГЛАВА 8

Мы перешли в мои покои. Дима устроился в большом кресле. Он крутил в руках магический светильник, пытаясь понять, как тот работает, и периодически подносил его к уху.

– Слушай, Николетта, – начал он, не прекращая попыток разобрать артефакт на запчасти. – Меня разрывает от вопросов. Вы тут говорите «из Серебристого Дома» или «из Золотой Пики». Это что? Мне уже готовить войну за трон?

Я закатила глаза. Ну вот, началось.

– Дима, отложи светильник, он не виноват. Тут все сложнее. Видишь ли, в Арканте три Верховных Дома. И каждый отвечает за свою сторону реальности. Буквально.

Он отложил светильник, но продолжил коситься на него с подозрением.

– В смысле – отвечает? У них там министерства? Кто-то за магию отвечает, кто-то за экономику?

– Не совсем, – я подтянула колени к подбородку. – Смотри. Весь мир Арканты держится на магии. Но магия разная. Есть магия живого – это все, что дышит, растет, чувствует. Люди, животные, растения, даже сама земля как живой организм. За это отвечает наш Серебристый Дом. Поэтому про таких говорят «из Серебристого Дома». Понимаешь?

Дима кивнул, но в глазах читалось: «Пока норм, не туплю».

– Дальше. Золотой Дом, или Золотая Пика, отвечает за все неживое. За все, что создано руками и магией, но не имеет души. Здания, артефакты, механизмы, магическая техника, все блага цивилизации. Если серебристые следят за жизнью, то золотые – за прогрессом.

– О, – оживился Дима. – То есть если у меня сломается магический айфон, мне к ним? И у них там техподдержка есть?

Я фыркнула.

– Типа того. Только учти, они высокомерные до ужаса. Считают, что без их артефактов мы бы до сих пор в пещерах жили. А мы считаем, что без жизни им не для кого было бы создавать эти артефакты. В общем, здесь вечная драма.

– Классика, – хмыкнул он. – Айтишники против биологов. У нас на Земле тоже так. Третий Дом – это кто? Теневики?

Я удивилась его догадливости.

– Почти угадал. Сумеречная Пика теней. Они отвечают за скрытую сторону мира. За тайны, за то, что спрятано, за магию, которая не лежит на поверхности. За проклятья и пророчества. За тени от всего живого и неживого. В общем, за все таинственное и мрачное.

Дима присвистнул.

– И эти трое живут в одном замке, да? И ни разу не поубивали друг друга? Вы круче реалити-шоу.

– Ну, убийства, конечно, случались в истории Арканты, – признала я. – Но сейчас – мир. Потому что мы все связа-

ны. Смотри, представь, что Арканта – это большое дерево. Серебристый Дом – это ствол и листья, сама жизнь дерева. Золотой Дом – это кора и механизмы, которые защищают и питают. А Сумеречный Дом – это корни. То, что скрыто под землей, но без чего дерево рухнет.

– Красиво, – кивнул Дима. – А при чем тут Пики? Почему «Серебристая Пика», а не просто «Серебристый Дом»?

– Потому что мы находимся не абы где, – я встала и подошла к окну. – Магическая Башня состоит из огромного комплекса строений, и три Пики стоят в центре этого. Это сердце Арканты. Здесь находятся резиденции всех трех Верховных Домов. Каждый занимает свою часть. Одна сторона Башни – Золотая Пика, в центре стоит Серебристая, третья – Сумеречная. Мы буквально соседи по лестничной клетке.

– Офигеть, – Дима тоже подошел к окну. – Коммуналка магов. А снизу, наверное, общая кухня?

– Типа того, – усмехнулась я. – Только вместо кухни там кое-что поважнее. Под Башней находится Колыбель Магии. Это подземное озеро – источник всей магии в мире. Представь себе огромное озеро, вода в котором светится чистой энергией. И из него, как из родника, магия растекается по всем трем Домам, а от них по всей Арканте. Это наша батарея. Наше все.

Дима притих, вглядываясь в Башню.

– И ты там была? У этого озера?

– Да, – кивнула я головой. – Туда могут войти только глав-

ные семьи Верховных Домов. И то по особым вопросам. Это святыня. Там множество лабиринтов и тайных мест. Некоторые из них ужасны по своей силе.

– Жесть, – повторил он. – Ладно, с Домами понятно. А как вас различать? Ну, по именам?

– А вот тут самое интересное, – я вернулась в кресло. – Каждым Домом руководит верховная семья, которая носит титул по имени Пики. Например, меня зовут Николетта. Полное обращение – леди Николетта из Серебристой Пики. Или леди Лияр из Серебристой Пики. Это означает, что мы не просто члены Дома, мы – та самая главная ветвь, которая держит магию жизни. Понимаешь?

– То есть фамилия у вас – это название Пики? – уточнил Дима.

– Ага. Если я представляюсь как Николетта из Серебристой Пики, все сразу понимают, что перед ними наследница верховной семьи. Та, в ком течет магия самой жизни. Та, кто имеет право голоса в Совете Домов. Та, кто может войти в Колыбель Магии.

Дима присвистнул.

– Ничего себе у тебя визитка. А если я, допустим, скажу «Димитрий с Земли»?

– Скажут: «О, привет, землянин, иди учиться», – рассмеялась я. – Слушай дальше. Но если маг захочет стать частью Серебристого Дома, ему нужно будет своей магией доказать, что он достоин. Что в нем течет достаточно магии жизни.

Или достаточно ума и смелости, чтобы помогать.

– А в других Домах так же? – спросил он.

– Да. Глава Золотой Пики – Морган из Золотой Пики. Глава Сумеречной – Локри из Сумеречной Пики. Титул всегда звучит как имя + из + название Дома. И это знак власти. Нижестоящие семьи называют просто по Дому: «из Серебристого Дома» или «из Золотого Дома». Без приставки «Пика».

– Пика – это типа VIP-статус, – резюмировал Дима. – Золотой, Серебристый, Сумеречный пентхаус. А Магическая Башня в целом, значит, общая недвижимость. Слушай, а если они поссорятся, они же могут разъехаться? Или их магия привязана к озеру?

Я улыбнулась. Он схватывал на лету.

– Привязаны. Все три Дома держатся на Колыбели. Если кто-то уйдет, он потеряет источник силы. Поэтому мы вынуждены мириться, договариваться и терпеть выходки соседей. Прямо как в обычной жизни.

– Ну, – Дима хлопнул себя по коленям, – теперь я хоть понимаю, куда попал. Спасибо, сестренка, ты спасла мой мозг от взрыва. А то я уже думал, что тут просто все чокнутые и кидаются титулами ради понтов.

– Не без этого, – честно призналась я. – Понтов тут хватает. Ты еще Моргана не видел. Он правитель Арканты, но из Золотой Пики, потому что Серебристая Пика никогда не претендовала на правление миром, как и Сумеречная. Но теперь ты знаешь, что за каждым титулом стоит реальная сила

и реальная ответственность. Серебристые следят за жизнью. Золотые – за вещами. Сумеречные – за тенями всего. И все мы зависим от магического озера внизу.

Дима задумчиво посмотрел на свои руки.

– А какая магия у меня? Ну, раз я сын Лиар? Тоже Серебристая?

– Да, – кивнула я. – Магия крови передается по роду.

– О, – оживился он. – Хотелось бы оказаться смешанным в таком магическом мире! Чтобы и жизнь чувствовать, и механизмы чинить, и в тенях прятаться.

Я искренне рассмеялась этому хитрюге.

– Дима, ты в магическом мире меньше суток, а уже хочешь собрать сборную солянку способностей. Так не работает. Магия требует концентрации силы и способностей в одном человеке. Но кто знает... может, ты особенный. Я вот на днях бесцветной оказалась.

– Ну да, – он ухмыльнулся. – Мы же с Земли. У нас там все особенные. Ладно, пошли поедем. А то я от этих серьезных разговоров проголодался. Кстати, а еда у вас из какого Дома? Золотого или Серебристого?

– Еда – связана с нами. Серебристый Дом, – ответила я, вставая.

– Фух, – выдохнул он. – А то я испугался, что меня накормят золотыми бутербродами. Не хочу жрать неживое.

– Не бойся. В Серебристой Пике кормят от души. Пошли, познакомлю тебя с местной кухней. Только сразу предупре-

жду: суп из светящихся грибов на вид как радиоактивное дерьмо, но на вкус – пальчики оближешь.

– Звучит как описание самого вкусного блюда в мире и самого страшного одновременно, – засмеялся Дима. – Ну, погнались. Посмотрим, насколько вы тут опасные кулинары.

ГЛАВА 9

Мы сидели на подоконнике в пустующем коридоре Центра Магических Искусств в здании общежития, глядя, как внизу снуют туда-сюда будущие сокурсники. До начала занятий оставался час, и мне нужно было кое-что с ним обсудить.

– Дима, слушай сюда, – начала я, понизив голос. – У меня есть предложение. Вернее, план. Стратегический.

– О, люблю стратегии, – он отвлекся от разглядывания проходящей мимо эльфийки. – Выкладывай.

– Смотри. Если в Центре узнают, что мы двоюродные, начнутся вопросы. Много вопросов. Почему я раньше о тебе не знала? Откуда ты взялся? Почему у тебя акцент? – я загибала пальцы. – А если узнают, что мы с Земли, и что теть Лияр – твоя мать, и что она скрывала тебя столько лет... Это будет катастрофа. Сплетни, пересуды, политические игры. Ты этого хочешь?

Дима присвистнул.

– Политические игры? Я вообще-то планировал просто научиться махать магией и не спалить тут ничего. Лады, не хочешь сестру – не надо. Кем я тогда буду?

– Просто другом, – твердо сказала я. – Мы познакомились недавно. Я тебя встретила, ты мне понравился, я решила помочь новичку освоиться. Всё. Никаких родственников.

– А имя? – он хитро прищурился. – Димитрий из Сереб-

ристой Пики? Звучит слишком пафосно.

Я задумалась.

– Нет. Про нашу Пику вообще ни слова. Просто Димитрий. Без Дома. Скажем, что ты из дальней провинции, из семьи магов-самоучек. Приехал поступать, никого не знаешь. Я проявила инициативу, пригрела сиротку.

– Сиротку? – он фыркнул. – Я выгляжу как сиротка?

– Ты выглядишь как растерянный землянин, который не знает, с какой стороны подойти к магическому светильнику, – парировала я. – Так что да, сойдешь за сиротку.

Дима усмехнулся, но кивнул, а я вдруг поняла, что он уже несколько секунд не слышит ни слова из того, что я говорю. Его взгляд, тяжёлый и цепкий, скользнул вслед за проходящей мимо девушкой.

Он проводил её с ног до головы, и в этом взгляде читалась не просто праздная скука, а настоящий, почти охотничий интерес. Мне показалось, или он даже подался вперёд, опершись локтями, чтобы лучше разглядеть линию её ног, обтянутых лёгкой тканью штанов.

В этом взгляде было что-то оценивающее, пристальное, как будто он разбирал её образ на детали: грация походки, взмах волос на ветру, изгиб талии. Он не отводил глаз, пока она не скрылась за углом, и лишь потом, словно очнувшись, моргнул и вернулся ко мне. Но в его зрачках всё ещё плясали те самые искорки – чисто мужское, неконтролируемое любопытство к прекрасному.

Мне стало одновременно немного не по себе и смешно от этой его непосредственности.

– Допустим. А имена родителей? Моя мать – твоя тетя Лияр. Тоже молчим?

– Молчим. Ты вообще не знаешь никакой Лияр. Твоя мать – простая женщина из глубинки, которая давно умерла. Я попросила отца оформить тебе легенду.

– Жестокая ты, сестренка, – вздохнул он, но в глазах плясали чертики. – Маму мою похоронила, даже не спросив.

– Это называется конспирация, брат, – я пихнула его в плечо. – Лияр – глава ответвления в Серебристом Доме. Если кто-то свяжет ее с тобой, начнут копать. А копать к нам нельзя. Понял?

– Понял, не дурак, – он поднял руки в примирительном жесте. – Значит, я просто Дима, сирота из провинции, с тобой познакомился случайно, ты прониклась моей трагической судьбой и решила взять шефство.

– Идеально, – кивнула я. – И главное: никаких «сестренка» и «брат» при людях. Только наедине. И то если уверены, что никто не подслушивает.

– А тут могут подслушивать? – он обвел взглядом стены.

– В магическом мире могут подслушивать даже камни, – мрачно пошутила я. – Так что будем осторожны. И еще. Если вдруг кто-то спросит про твоего отца – ты его не знал. Мать одна растила. Умерла от болезни. Всё.

– А Земля? – тихо спросил Дима. – Если кто-то спросит,

откуда у меня такие странные привычки? Я же могу случайно ляпнуть про интернет или там про...

– Забудь про интернет, – перебила я. – Ты маг-самоучка из глухой провинции. Твои странности от отсутствия нормального образования, при огромном магическом таланте. Будешь учиться, исправишься. Если кто-то спросит про слова, которых не знает – говори, что это деревенский диалект. В Арканте сотни диалектов, никто не проверит.

Дима покачал головой.

– Слушай, а ты не боишься, что мы запутаемся? Столько вранья...

– Это не вранье, – возразила я. – Это защита. Нам нужно время, чтобы ты освоился и встал на ноги. Потом, может быть, и расскажем. Но не сейчас. Слишком опасно.

– Для кого опасно? – он посмотрел на меня серьезно.

– Для нас всех, – честно ответила я. – Для тебя, для меня, для Лияр. Тайное происхождение, скрытые наследники... Это лакомый кусочек для врагов Серебристого Дома. А они есть, поверь мне.

Дима помолчал, переваривая.

– Ладно, – сказал он наконец. – Договорились. В Центре мы просто друзья. Ты – Летта, я – Дима. Никакого родства, никакой Земли, никакой Лияр. Я – темная лошадка из глубинки. А наедине...

– Наедине ты мой брат, – улыбнулась я. – И можешь бесить меня сколько угодно.

– Договорились, сестренка, – он протянул руку, и мы скрепили сделку рукопожатием. – Погнали, друг мой. Показывай, где тут у вас столовая. А то я, как сирота из провинции, совсем не ориентируюсь.

Я закатила глаза, но улыбнулась.

– Пошли, сиротка. Накормлю тебя завтраком. Только рот не открывай, когда будем проходить мимо старшекурсников. А то спалишь нашу легенду в первую же минуту.

– Есть, капитан, – прошептал он и приложил руку к воображаемой кепке. – Веду себя как обычный деревенщина, молчу в тряпочку.

– Ох, Дима, – вздохнула я, открывая дверь. – Чувствую, с тобой моя спокойная жизнь закончилась.

– А она у тебя была, эта спокойная жизнь? Мне мать все рассказала про твои похождения в Арканте, – усмехнулся он, выходя следом.

И я не нашлась, что ответить.

ГЛАВА 10

Это был даже не взгляд. Это было сканирование. Дима с самым серьезным видом изучал объявление на доске, шевеля губами, но когда дочитал до слова «бал», его лицо вытянулось. Я рядом хихикнула.

– Летта, – зашипел он, хватая меня за руку. – Я серьезно. Вот на это я не соглашался и не пойду. Вальс. Совсем. Не. Умею.

Он бесцеремонно развернул меня к себе, положил ладонь мне на талию и попытался изобразить движение. Получилось ужасно. Я запнулась о его ногу, он больно наступил мне на туфельку, и мы оба замерли в нелепой позе.

– Дима, это не вальс, это пытка... – засмеялась я, но договорить не успела.

– Кто этот молодой маг и почему он позволяет себе прикасаться к тебе, Летта?

Голос, холодный, как ледники, раздался за нашими спинами. Мы оба обернулись. Перед нами стоял Морган. Собственной персоной. Правитель Золотой Пики стоял в двух шагах, и его глаза, казалось, прожигали в Диме дыру. Я почувствовала, как Дима инстинктивно напрягся, но с лица его не сошла дурашливая маска.

– Позволяет себе? – переспросил Дима, нарочито медленно убирая руку с моей талии, но делая это так, словно ему

жаль отрывать ладонь. — А я-то думал, что показываю девушке как танцую. Летта, дорогая, это твой родственник? Строгий дядюшка?

У меня внутри всё похолодело. Морган побелел от гнева.

— Я жду ответа, Летта, — процедил он сквозь зубы, игнорируя Диму. — Кто это?

— Ее друг, — пожал плечами Дима, загораживая меня плечом. — Сокурсник. Или в вашем возрасте уже забыли, что это такое?

— Юнец, — Морган шагнул вперед, а воздух вокруг него словно заискрился от сдерживаемой магии. — Ещё раз тронешь её, и я...

— И что? — Дима даже не моргнул. — Забаните на балу? Летта, а твой родственник всегда такой нервный? Может, ему просто не хватает женского внимания, поэтому он так реагирует на любое прикосновение к тебе?

— Дима, прекрати, — пискнула я, но было поздно.

Морган смотрел на него с такой ледяной яростью, что, казалось, сейчас ударит магией. Но вокруг было слишком много студентов. Он перевёл взгляд на меня, полный боли и ревности, резко развернулся и ушёл, чеканя шаг.

— Ну и фрукт, — присвистнул Дима, когда правитель скрылся из виду. — Так вот он какой, твой «женишок». Мать рассказывала, что он насильно собирался сделать тебя своей женой, а его младший брат чуть не убил тебя. Но теперь я понимаю, почему ты сбежала. Летта, это же ходячая про-

блема. Заносчивый, высокомерный и... – он поморщился, – старый абыюзер. Совсем тебе не пара.

– Дим, не начинай, – устало попросила я. – Пошли уже на занятия.

Мы вошли в просторный Зал с высокими сводчатыми потолками. Первым, кого мы увидели, был Локри. Он тут же направился к нам, сияя улыбкой, которую явно приберег для меня.

– Летта! Какая встреча. Слышала новость про бал? – он галантно склонил голову. – Позволишь пригласить тебя?

Я открыла рот, чтобы ответить, но Дима опередил меня, причем самым наглым образом:

– Не позволит. Она идет со мной. Вопросы к организатору?

Локри опешил. Перевел взгляд с меня на Диму и обратно. Я лишь виновато пожала плечами, давая понять, что спорить бесполезно. Локри, бросив на Диму недоуменный взгляд, отошел в сторону.

– Спасибо, что спросил меня, – прошептала я.

– Не за что. Этот тоже мне не нравится. Слишком наглый, – буркнул Дима.

Началась практика. Второй преподаватель по боевой магии, сухой и строгий маг, разбил нас по парам. Нам с Димой досталось место в центре зала.

Задание было простым, но показательным. Создать силовой шар и удержать его в воздухе между ладонями напарни-

ка, не давая ему упасть или взорваться.

Мы встали друг напротив друга. Я сосредоточилась, выпуская поток своей силы. Дима сделал то же самое. В тот же миг я почувствовала странный резонанс. Наша магия вдруг переплелась.

В воздухе между нашими ладонями начал формироваться огромный силовой сгусток, вместо простой сферы. Сначала робкий, прозрачный, но с каждой секундой он наливался густым серебристым светом, становясь плотным и тяжелым.

– Ух ты, – выдохнул кто-то сзади.

– Не останавливаться! – рявкнул преподаватель. – Теперь перемещайте его по кругу, не разрывая контакта!

Мы начали двигаться. И это было удивительно. Я интуитивно знала, куда Дима сделает следующий шаг, а он ловил малейшее изменение в моем дыхании.

Сгусток парил между нами, послушно скользя по траектории, как живой. Мы ускорились. Дима кружил меня, и это уже было похоже на тот самый вальс, который у нас не получался, только вместо музыки была магия.

– А теперь – в центр! – скомандовал преподаватель.

Мы резко свели ладони. Сгусток вздрогнул, сжался до размеров яблока и... мягко хлопнул, осыпав нас миллиардами серебряных искр. В зале повисла тишина. Все смотрели на нас. Преподаватель снял очки и протер их.

– Идеальная синхронизация, – констатировал он сухо, но в голосе слышалось уважение. – Крайне редкая совмести-

мость. Я такого не видел. Продолжайте в том же духе.

Мы с Димой переглянулись. В его глазах читалось то же удивление, что и у меня. После занятий, когда все разошлись, мы, не сговариваясь, направились в мою комнату. Нужно было срочно всё обсудить.

При выходе из Зала боевой магии, мы всё ещё пребывали в лёгком шоке от той идеальной синхронности, что показали на тренировке. Я чувствовала, как на кончиках пальцев всё ещё потрескивают остатки магии, смешанной с магией Димы. Это было странное, но приятное ощущение, словно часть его силы теперь жила и во мне.

– Нет, ты видела лица этих мажоров? – довольно усмехнулся Дима, пихая меня плечом. – Когда наша сила искрами рассыпалась, у этого Локри челюсть отвисла до самого пола. Я специально краем глаза глянул.

– Дим, ты невыносим, – фыркнула я, но улыбнулась. – Хотя да, зрелище было то ещё.

Мы завернули за угол и направились к лестнице, ведущей в жилое крыло, как вдруг я почувствовала на себе чей-то взгляд. Такой тяжёлый, липкий, что по коже пробежали мурашки, не имеющие ничего общего с магией.

Я подняла глаза. Там стоял Локри у колонны в конце коридора, прислонившись к ней плечом. Стоял неподвижно, даже слишком неподвижно для мага, который просто ждёт кого-то или любит архитектуру. Его взгляд был устремлён прямо на нас. Вернее, на наши спины.

И взгляд этот был... странным. Совсем не таким, каким он смотрел на меня раньше. Сейчас же в нем не было ничего. Пустота. Холодная, изучающая пустота. Как будто он не просто провожал нас взглядом, а сканировал, запоминал, раскладывал по полочкам: как мы идём, как близко друг к другу, как я непроизвольно тянусь к Диме, когда смеюсь.

– Локри? – вырвалось у меня удивлённо. Я даже остановилась.

Он не сдвинулся с места. Лишь уголок его губ дёрнулся в намёке на улыбку, но глаза остались такими же пустыми.

– Леди Николетта, – его голос эхом разнёсся по пустому коридору. – Я был поражен увиденному в зале. Кто этот маг рядом с вами?

– Локри, ты же знаешь, что здесь я ношу другое имя, – резко ответила я.

Сказанные Локри слова были вежливыми, и даже слишком вежливыми, но от этого мне вдруг захотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Дима рядом со мной напрягся. Я почувствовала, как его рука, лежавшая на моём плече, чуть сжалась, словно предупреждая: «не подходи».

– И вам не хворать, – бросил Дима нарочито развязно и слегка подтолкнул меня вперёд, ускоряя шаг. – Пошли, Летта. Что-то есть захотелось.

Мы пошли дальше. Я боковым зрением видела, как Локри повернул голову, продолжая смотреть нам вслед. Он да-

же не моргнул. Только когда мы завернули за угол и спустились на пролёт лестницы, я выдохнула. Дима остановился и обернулся, прислушиваясь.

– Ушёл, – сказал он тихо. Потом посмотрел на меня, и его глаза были серьёзными, как никогда. – Летта. Ты это видела?

– Видела, – прошептала я.

– Это был не просто взгляд обиженного наследника из соседнего Дома, – Дима нахмурился. – Он смотрел так, будто мы ему должны. Или будто он уже знает то, чего знать не должен. Станный он какой-то, этот твой Локри. Слишком правильный. Слишком вежливый. А у нормальных людей от такой вежливости мурашки по коже.

Я промолчала, потому что он был прав.

Мы пошли дальше, но ощущение чужого взгляда не отпускало меня ещё долго. Казалось, даже здесь, на лестнице, даже за закрытыми дверями комнаты, Локри всё ещё смотрит нам вслед.

ГЛАВА 11

Ночная тишина в Арканте никогда не бывает абсолютной. Она вибрирует, дышит, переливается едва уловимыми отголосками магии, вплетенной в сам мир. Обычно я сплю крепко, но сегодня меня словно толкнуло что-то под ребра. Слабый, настойчивый зов, похожий на шевеление паутины на коже.

Я оделась и выскользнула в коридор. Вибрации вели меня вниз, все ниже, туда, куда даже преподаватели стараются лишний раз не соваться. В старые заброшенные подвалы, о которых за всю неделю в Центре Магических Искусств я не слушалась множество ужасающих рассказов.

Самым невероятным из них была история о том, что именно здесь находится второй вход в темный мир Арканты, так как первый всегда располагался в Сумеречной Пике.

Здесь воздух был другим. Густым, холодным, с привкусом тысячелетней пыли и тлена. С факелами здесь никто не заморачивался, свет заменяли редкие светящиеся мхи на стыках камней, подобное я уже видела во дворце правителя, когда с Мороком отправлялась в Алир. Они отбрасывали причудливые, дергающиеся тени, которые, казалось, жили своей жизнью.

Я шла вперед, и моя собственная тень, длинная и искаженная, ползла за мной по стене, цепляясь за выступы. Каж-

дый шорох отдавался эхом, и мне то и дело мерещилось, что сзади кто-то крадется.

Наконец проход расширился, и я оказалась в небольшом зале, существование которого здесь стало неожиданностью. Ведь высокий потолок терялся во тьме, а по углам угадывались массивные барельефы. Пол был выложен огромными каменными плитами, стертыми посередине до зеркального блеска бесчисленными шагами, которым здесь неоткуда было взяться. В центре этого каменного мешка, прямо на полу, устроились двое.

Пуш – мой верный друг и негласный охранник. Он сейчас был похож на помесь медвежонка и очень пушистого облака. Шерсть у него всегда серебрилась, но здесь стала темно-серой, с пепельным отливом, и только на кончиках ушей и лап она искрилась слабой серебристой пылью. Он сидел на задних лапах, а передние держал на весу, и на что-то пристально смотрел.

Рядом с ним парил Ликорн. Вот это было зрелище! Магическое существо, живущее в стенах школы, сейчас казалось сгустком чистого света, потерявшим форму, которую я видела у него раньше.

Его тело сейчас было соткано из голубовато-белого сияния, сквозь которое струились черные искры. Он не стоял на полу, а висел в воздухе. Его длинный, как у ящерицы, хвост, тоже светящийся, лениво покачивался, оставляя в воздухе медленно гаснущий шлейф. Глаза Ликорна с трепетом смот-

рели на противоположную стену.

Они оба были поглощены созерцанием каменного полотна на стене. Там, в барельефе, застыла величественная и пугающая сцена: Первые боги, пришедшие из Пустоты. Их фигуры, грубо высеченные из камня, казались живыми в этом колеблющемся полумраке. Они стояли полукругом, протягивая руки к центру, где сиял странный предмет, похожий на корону. Каждый из богов вливал в него частицу себя.

—... и понимаешь, Венец Арканты – самое драгоценное сокровище нашего мира, после Колыбели Магии, – восхищенно Пуш рассказывал Ликорну что-то, но я услышала лишь обрывок фразы.

– Тш-ш-ш, Николетта, – еле слышно выдохнул Ликорн, не оборачиваясь. Его голос напоминал отдаленный раскат грома, очень низкий и уютный. – Смотри.

И тут я снова увидела тень. Ту самую, что преследовала меня по лестнице. Она отделилась от стены у входа и теперь медленно, неумолимо сползала по каменным ступеням, ведущим в наш закуток.

Тень была огромной, бесформенной, она заслоняла собой слабый свет мха. Сердце ухнуло в пятки и забилося где-то в горле. Я вцепилась в шерсть Пуша, он тихо зарычал, и даже сияние Ликорна пульсировало тревожнее, став алым. В этот момент я мысленно ругала себя за любопытство и постоянное влипание в опасности.

Напряжение скрутило воздух в тугую пружину. Тень шаг-

нула в проем.

– Летта? Твою ж...! – раздался знакомый до ужаса голос.
– А я думал, мне одному мерещится!

Из темноты показался Димитрий. Он был взъерошен, в накинутах на плечи халате, под которым виднелась сбившаяся набок мужская пижама. Волосы торчали в разные стороны, а в глазах горел неподдельный азарт первооткрывателя.

– Дима?! – выдохнула я, разжимая пальцы, вцепившиеся в Пуша. – Ты с ума сошел так пугать?! Я думала, что опять влезла туда, куда не следует!

– Сам испугался, если честно! – он поднял руки вверх, подходя ближе. – Вибрации эти дурацкие в воздухе. Спать не дают. Проснулся, чувствую – зовет что-то. Дай, думаю, гляну по-тихому. А тут вы.

Его взгляд упал на Ликорна. Дима замер, а его челюсть медленно поползла вниз.

Ликорн, почувствовав внимание, плавно развернулся в воздухе, описал круг, переливаясь всеми оттенками синего, и бесшумно завис прямо перед лицом брата.

– Мать божья... – прошептал Дима, протягивая руку, но останавливаясь в нерешительности. – Оно... настоящее? Оно светится! И парит! Летта, это же чудо какое-то!

Ликорн важно надулся и прочистил горло.

– Меня зовут великий Ликорн, – гордо заявило магическое существо. – Я тебе не оно!

– Оно еще и разговаривает! – тихо сказал пораженный Ди-

ма. – Очень приятно, Димитрий!

Я улыбнулась, наблюдая, как брат, забыв обо всем на свете, смотрит на Ликорна.

– Это магическое существо старого замка, – пояснила я тихо. – Он живет здесь сотни лет. Правда о том, что он великий, я слышу впервые, – улыбнувшись, добавила я.

Дима моментально просек ситуацию. Он повернулся к светящемуся созданию и с самым серьезным видом, на который был способен, произнес:

– Слушай, Ликорн. А давай ты будешь моим? А?

Маленькое существо склонило голову набок, его сапфировые глаза хитро блеснули. В следующее мгновение Ликорн... исчез. Просто растворился в воздухе.

Дима ахнул и завертел головой, но тут же почувствовал легкое прикосновение к плечу и, обернувшись, увидел, как Ликорн материализуется прямо у него за спиной, довольно поблескивая.

– Ничего себе! – выдохнул брат. – Это что же, ты так от врагов прятаться умеешь? Да с тобой я на любую тренировку по боевой магии как на праздник ходить буду!

– Дима, – одернула я его, стараясь говорить серьезно, но улыбка сама лезла на лицо. – Он не игрушка, и даже не питомец. Он магическое существо!

– Да я понимаю, понимаю! – отмахнулся Дима и снова обратил все свое обаяние на Ликорна. – Слушай, золотце светящееся. У меня знаешь какие условия шикарные? Во-пер-

вых: личная кровать. Она огромная, я там один теряюсь, так что места хватит на нас двоих с запасом. Во-вторых: паек. Каждое утро, – он поднял указательный палец, – лично буду таскать тебе свежайшую булочку из столовой. Ну, как, пойдет?!

Ликорн замер, его свечение участилось, стало ярко-золотым. Он явно обдумывал предложение, глядя то на Диму, то на меня, то на Пуша. Потом он сделал круг почета вокруг головы брата и гордо кивнул, коснувшись своим прохладным светящимся лбом его лба.

– Согласен! – просиял Дима. – А за булочки он меня магии учить будет, как твой Пуш! – подмигнул он мне.

Но радость длилась недолго. Раздался звук, от которого у меня кровь застыла в жилах. Глухой, тяжелый «KPPPP-AX!».

Мы все разом обернулись к барельефу. По камню, от фигур Первых богов, побежала трещина. Она росла на глазах, ветвилась, и через секунду древние изваяния посыпались вниз мелкой каменной крошкой. А на их месте, прямо в толще стены, начала проступать новая картина.

Сначала это была Золотая Пика – символ Золотого верховного Дома. Она проявилась ярко, нагло, подавляя все вокруг. Потом изображение пришло в движение. Мы увидели битву.

Две фигуры, высеченные с ужасающей реалистичностью, сошлись в смертельной схватке прямо на фоне Магической

Башни. Морган, глава Золотой Пики, и Локри, глава Сумеречной. Их мечи, сотканые из света магий, скрестились, и в месте их удара Башня на барельефе... рухнула. Обе Пики – Золотая и Сумеречная – осыпались каменной трухой, смешавшись с обломками.

Когда пыль рассеялась, на стене осталась только одна, едва заметная, но невероятно стойкая Серебристая Пика. Она стояла на руинах, одинокая и молчаливая.

– Как говорит мой Зеф, Драт его побери... – прошептала я, чувствуя, как холодок бежит по моей спине. – Это что же, пророчество? Предупреждение?

– Пики рушатся, – тихо сказал Пуш, прижимаясь ко мне. – Война между Домами началась.

– А Серебристая осталась, – быстро добавил Ликорн. Его тихий голосок прозвучал в тишине как раскат колокола.

Мы стояли и смотрели на эту жуткую картину еще несколько минут. Обстановка была подавленной. От бывшего веселья Димы не осталось и следа. Даже он выглядел растерянным и серьезным.

– Надо возвращаться, – первой пришла в себя я. – Здесь нам нечего делать. Нужно подумать.

Мы гуськом, стараясь не шуметь, покинули подвалы. Дима бережно нес на руках Ликорна, который теперь светился тускло, почти незаметно. Я прижимала к себе Пуша, чувствуя его надежное тепло.

На развилке коридоров в комнаты, где наши пути расхо-

дились, Пуш и Ликорн переглянулись.

– Будем держать магическую связь, – важно сказал Пуш, глядя на своего светящегося собрата.

– Клянусь, – согласился Ликорн. – Дружить против общих врагов.

Дима, уже сворачивая в свой коридор, обернулся и шепотом сказал:

– Летта, спокойной ночи! И не вздумай без меня в подвалы лазить! А то Ликорна напущу, он тебя засветит до икоты!

Я только вздохнула, покачав головой. Дима есть Дима. Даже после предупреждения о грядущей войне Домов он умудряется шутить. Но мне от этого стало чуточку легче.

– Идем, Пуш, – прошептала я. – Кажется, нам всем нужно выспаться. Пока это еще возможно.

ГЛАВА 12

После ночного происшествия в подвалах мне казалось, что стены Центра Магических Искусств шептаться стали громче. Но жизнь брала свое, и утро началось с рывка за руку и жизнерадостного вопля Димы.

– Летта, подъем! Нас ждут великие дела! А после завтрака – мой любимый предмет! Трансфигурация!

– Что ты делаешь в моей комнате? – сонно спросила я.

Дима, как всегда, лучился энтузиазмом. Ликорн, устроившийся у него на плече, сонно мерцал розоватым светом, недовольно щурясь на утреннее солнце. Пуш, флегматично сидевший в ногах моей кровати, только фыркнул:

– Громкий. Всегда громкий, – проворчал он, но в его черных глазах-бусинках плясали смешинки.

Центр Магических Искусств Арканты – это не просто школа магии. Это был целый мир, спрятанный в лабиринтах каменных коридоров и Залов магии. Наша неделя была расписана поминутно, и каждый предмет преподавал магистр, личность которого уже сама по себе была легендой.

Зал Трансфигурации напоминал огромный птичник, если бы птицы там были каменными, бронзовыми и светящимися. Высокие сводчатые окна пропускали холодный утренний свет, который падал на длинные мраморные столы, заваленные перьями, кусками коры, металлическими пластинами и

прочим «сырьем».

Магистр Трансфигурации, Агата Ронк, была женщиной настолько прямой и острой, что, казалось, сама явилась результатом неудачной трансфигурации линейки.

Седая, собранная в тугий пучок, в безупречно отутюженной одежде. Она не ходила. Она маршировала между рядами, и ее каблуки выстукивали по каменному полу «никогда-не-ошибайся, никогда-не-ошибайся».

– Итак, – начала она, и в зале воцарилась мертвая тишина. – На этой неделе мы переходим от теории к практике высшего порядка. Задача: превратить этот кусок камня, – она взмахнула рукой, и на каждом столе появилось по серому булыжнику, – во временный магический маяк. До конца курса вы должны научиться вкладывать в камень частицу своей силы так, чтобы он не просто светился, а передавал сигнал нужный вам.

Я сосредоточилась на своем булыжнике. Трансфигурация мне давалась неплохо, но сейчас меня отвлекло странное ощущение. Стекло в высоком окне слегка бликовало. Мне показалось, или там, за ним, на галерее, мелькнула тень? Слишком высокая для студента, слишком плавная. Я поежилась, но заставила себя смотреть на камень.

Дима, сидевший через ряд, уже вовсю собирал энергию своей магии. Его булыжник не просто светился, он пульсировал ярко-оранжевым, как маленькое солнце, и норовил улететь.

– Димитрий! – рявкнула магистр, и ее голос отразился от сводов. – Маяк должен сигналить, а не взрываться! Уймите свой энтузиазм, пока вы не ослепили половину потолка!

Ликорн, который по правилам должен был сидеть в специальной сумке, тихо хихикал, спрятавшись под партой. Пуш, сидевший у меня в ногах, одобрительно заурчал, когда мой камень начинал ровно светиться голубоватым цветом. Но оба наших малыша были абсолютно невидимы для остальных магов в Зале.

После обеда нас ждал самый пыльный, самый тихий и самый загадочный предмет. Библиотека-Аудиториум – Зал, где стены от пола до потолка были уставлены древними фолиантами, книгами, свитками, а столы стояли прямо среди стеллажей.

Магистр истории, Элиан Берк, появлялся всегда неожиданно. Вот его нет, а вот он уже стоит, поправляя очки на длинном носу. Он был похож на добрую старую сову, которая знает все тайны мира, но ни за что их не выдаст, пока не сочтет нужным.

– Сегодня, юные маги, – начал он шелестящим голосом, – мы поговорим об эпохе Междувластия. Времени, когда после ухода Первых трон Арканты пустовал целое столетие.

Я замерла. Первые боги. Тот самый барельеф. Я невольно посмотрела на свои руки, вспоминая, как осыпался камень. Магистр водил указкой по карте, висящей в воздухе, и голос его убаюкивал, но слова врезались в память.

Я внимательно слушала и вдруг краем глаза заметила движение в дальнем конце зала, в темном проходе между стеллажами. Снова тень. Высокая фигура. Или мне показалось? Я резко обернулась. Там никого не было. Только пыль танцевала в лучах света.

– Летта Кроу? – голос магистра вернул меня к реальности. – Вас что-то заинтересовало в разделе запретных свитков? – он хитро прищурился.

– Нет, магистр. Простите. Показалось.

Пуш под столом тронул меня лапой. Он тоже это почувствовал.

Следующий день стал днем полного безумия. Сначала теория заклинаний с магистром Вект Бон. Его кабинет напоминал хирургическую. Белая гладкая глиняная плитка, металлические инструменты на столах, которые использовались для... калибровки заклинаний.

– Слово – это вектор, – чеканил он, нервно расхаживая перед доской, исписанной формулами. – Неверно произнесли ударение – и ваше "Отопрись" превратится в "Отпорись"! А это, юные маги, большая разница! Особенно если вы запираете дверь от темных сил или преследователей!

Мы старательно выводили в воздухе руны, следя за интонацией и концентрируя свою магическую энергию. Занятие требовало колоссальной концентрации. Но даже здесь, глядя на свою дрожащую от старания руну «Вода», я поймала на себе взгляд.

Он шел откуда-то сверху, с галереи для почетных гостей. Там, в тени колонны, стоял мужчина. Черный плащ, бледное лицо, острый, как лезвие, взгляд. Локри, глава Сумеречной Пики. Он смотрел прямо на меня. Сердце пропустило удар. Когда я моргнула, его уже не было.

А после обеда было Плетение магических нитей. Это был наш любимый предмет. Зал был огромным пустым пространством с идеально гладким полом и стеклянным куполом. Магистр Мирена Свол, молодая женщина с вечно растрепанными рыжими волосами и улыбкой, от которой хотелось творить добро, учила нас создавать магические связи.

– Магия – это не только сухие формулы! – кричала она, подлетая к столам в воздухе. – Это чувство! Хотите создать защитный купол? Вспомните, как мать укрывала вас одеялом! Хотите наслать сон? Вспомните усталость вечером!

Посреди недели, когда мы создавали магических животных и учились с ними общаться, я кожей чувствовала еще один взгляд. Правитель Морган. Глава Золотой Пики. Сияющий, как начищенный самовар, он стоял в дверях зала Зоомагии, скрестив руки на груди, и наблюдал за нашей группой.

Он не смотрел ни на кого конкретно, но я знала – это мне не кажется. Дима, правда, ничего не замечал, увлеченно пытаясь заставить призрачного кота ловить призрачную мышь.

Перед выходными всегда был самый напряженный день. Подземный полигон, пахнувший сыростью и озоном. Стены

здесь были покрыты царапинами от боевых заклинаний прошлых поколений.

А правил в Зале Темной магии Магистр Корвин Тень. Его имя пугало первокурсников до икоты. Высокий, худой, с седой прядью в черных волосах и глазами цвета грозового неба. Он не учил. Он испытывал нас каждый раз.

– Нападайте, – коротко бросил он, глядя на наш строй. – Я хочу видеть, кто из вас сдохнет первым в настоящем бою с темными.

Мы бросились. Это была жестокая, но полезная тренировка. Магистр отражал наши атаки с ленивой грацией, комментируя ошибки.

– Летта, твой щит похож на мокрую тряпку, он держит только пыль! Димитрий, перестань улыбаться, ты не на свидании, ты нападаешь на нее! Выше! Резче!

После тренировки, вымотанная и злая, я сидела на скамье, восстанавливая дыхание. И увидела их обоих.

Локри и Морган стояли в тени арочного прохода. Вместе. Свет и Тьма. Золото и Сумрак. Они смотрели в нашу сторону, о чем-то переговариваясь. Меня пробрал озноб, не связанный с усталостью. О чем они говорят? Обо мне?

Пуш тихо зарычал, прижимаясь к моим ногам.

– Не нравятся мне они, – буркнул он. – Смотрят на тебя, как голодные твари на мясо.

– Только я не мясо, Пуш, – прошептала, сжимая кулаки от злости.

– Знаю, – согласился он. – Но эти твари большие и опытные.

К концу недели все ученики уставали, но предмет формирование магической жидкости было особым видом пытки.

В лаборатории, где всегда было жарко от кипящих котлов и пахло так, что слезы сами наворачивались на глаза преподавала Магистр Грет Кон. Она была женщиной необъятных размеров в заляпанном фартуке. Могла одним ударом половника пригвоздить к стене нерадивого студента.

– Мешай, мешай, золотце, – наставляла она Диму, который пытался сварить жидкость успеха. – По часовой, ровно тридцать семь раз, не больше и не меньше! А то вместо успеха получишь понос удачи, и будешь самым счастливым, но в уборной!

Дима, красный от усердия, мешал. Ликорн, обожавший запах кипящих ингредиентов, сидел у него на плече, светясь от удовольствия. Моя жидкость вечной памяти выходила мутноватой, и магистр Кон, глянув в мой котел, только крякнула:

– Память у тебя, Летта, как решето будет, если такое пить. Добавь три капли настоя арита и подумай о чем-нибудь хорошем.

Я добавила. И подумала. Но мысли тут же споткнулись о пустой взгляд из тени.

В дверях лаборатории, никем не замеченный, стоял Локри. Он просто стоял и смотрел на меня. Молча. Долго. Потом развернулся и исчез.

Утром, в свой первый выходной мы с Димой сидели в Зале Стихий. Месте, где можно было просто отдыхать, наблюдая за танцем магии в хрустальных сферах под потолком.

– Ты замечаешь их? – спросила я тихо, поглаживая Пуша.

– Кого именно? А ты заметила что я научил Ликорна есть булочки, не оставляя крошек? Это гениально! – Дима попытался перевести все в шутку, но под моим взглядом сдался. – Замечаю. Локри и Морган следят за тобой. Я не слепой.

– И что им нужно?

Дима пожал плечами. Ликорн, до этого дремавший у него на коленях, открыл глаза и тихо сказал:

– Они ждут.

– Чего? – спросили мы хором.

– Того, что покажешь ты. Того, что выберешь ты. Того, кем ты станешь. Пророчество не закончилось на стене. Оно только началось.

Пуш согласно кивнул:

– Мы защитим. Но ты должна быть готова. Они не враги и не друзья. Они наблюдатели.

Я посмотрела на хрустальные сферы, переливающиеся всеми цветами магии, и вздохнула. В Центре Магических

Искусств кипела обычная жизнь, пахло магическими жидкостями и озоном, звенели заклинания.

Но где-то на границе этого мира, в тенях и отблесках света, за мной неотступно следили двое сильных магов Арканы. И это не радовало. От этого чувства и знания было никуда не деться. Оставалось только учиться дальше и ждать. Вместе с Пушем, Димой и нашим новым светящимся другом.

ГЛАВА 13

Когда я вернулась в гостиную, после затянувшегося завтрака с братом, соседка уже пребывала в ином измерении. Рина, с глазами цвета весенней листвы и непокорной копной светлых волос, восседала на диване в окружении вороха местных журналов мод и причудливых лоскутов ткани, как паучиха, сплетающая свою самую хитрую сеть.

– Летта! – её возглас едва не сбил меня с порога. – Ты представляешь? Один день! У нас остался всего один день! Мой первый бал! Бал в честь Перехода Сезонов! Весь Центр только об этом и гудит!

Пуш, мой бессменный страж, издал звук полный вселенской скорби, и мгновенно ретировался под кровать. Подальше от этого урагана эмоций. Я его прекрасно понимала. Честно говоря, местные танцы казались мне задачей посложнее, чем иные магические формулы. Мои мысли сейчас витали где угодно, только не в бальной зале.

– Рина, я в знаю про бал, – я постаралась улыбнуться, ставя туфли в угол. – Об этом уже, кажется, шепчутся даже камни в коридорах.

– Но ты не понимаешь! – Рина вспорхнула с дивана и приземлилась прямо передо мной, размахивая каким-то эскизом. – Это первый бал нового сезона! Там будут все! Даже они!

Я вопросительно изогнула бровь, чувствуя, как в груди шевельнулось холодное любопытство.

– Кто скрывается за этим таинственным «они»?

– Ты что, жидкость беспамятства выпила? – Рина всплеснула руками, и её глаза округлились. – Правитель Морган и глава Сумеречного Дома Локри! Они теперь здесь, в Центре! Формально – наблюдатели за магическими аномалиями после Слияния, но какая разница?! Они будут на балу! А ещё – приезжает сам Дик Дол, лучший воин Арканты!

Ах, вот оно что. Я невольно поёжилась, вспомнив те незримые взгляды, что преследовали меня всю последнюю неделю. Интересно, явятся ли они на бал, чтобы и там наблюдать за мной из тени, с безопасного расстояния? Или наконец-то займутся своими делами!

– Рина, – мой голос прозвучал нарочито спокойно, – и кто же из этих троих похитил твоё сердце?

– Похитил? – девушка прижала руки к груди, словно пытаясь удержать это самое сердце. – Летта, ты видела Моргана? Ты видела, как он движется? Золотой, сияющий, величественный! Говорят, он может испепелить врага одним взглядом, но у него такая улыбка... – она зажмурилась, словно пробуя на вкус запретный плод. – Все девушки в него влюблены. А Локри... Он же сама загадка, сама тайна! Ходят слухи, что он вообще не спит. Всё тренируется, оттачивает клинок. Это же невероятно романтично!

– Романтично? – не удержалась я от скептической нотки.

– В его исполнении – безусловно! – отрезала Рина. – А тебе кто по душе? Признавайся!

Я лишь пожала плечами, направляясь к своему столу.

– Мне никто не нужен, Рина. Я здесь не за этим. Я пришла учиться, постигать магию. А не влюбляться в магов, которые... – я запнулась на полуслове, едва не выдав «следят за мной», – которые наверняка привыкли играть с женскими сердцами. Мне противно такое отношение к слабому полу, с их стороны.

– Почему ты отделяешь женщин в какую-то отдельную, слабую категорию? – Рина наморщила лоб, и я мысленно дала себе затрещину. Земные стереотипы здесь не работали.

– Оговорилась, – поспешно исправилась я. – Просто... к женщинам.

Рина окинула меня взглядом, полным искренней жалости к убогой.

– Летта, ты порой пугаешь меня своей отстраненностью. Учиться можно и с удовольствием. Мама говорит, что каждая девушка рано или поздно найдёт свою пару. Вот и я хочу встретить самого сильного, самого доброго и влюбленного в меня мага. Говорят, от большой любви магия только крепнет.

– Кто говорит?

– Да все! – отмахнулась она. – Ладно, не хочешь о них – давай о платьях! Ты ужерешила, что наденешь?

Стук в дверь прозвучал как нельзя кстати. Местный ку-

рьер, вечно сонный старичок из obsługi, просунул голову в открывающуюся дверь:

– Летте посылка. Росчерк оставьте и получите.

Я расписалась в воздухе, и он исчез, оставив на полу увесистую коробку, перетянутую серебристой лентой. Рина ахнула и в тот же миг оказалась рядом.

– Открывай! Я не вынесу неизвестности!

Я потянула за ленту, приподняла крышку... и время будто остановилось. На слоях тонкой бумаги, подобно драгоценному артефакту, покоилось платье. Оно мерцало в тусклом свете комнаты, переливаясь, как живое.

Я извлекла его с трепетом, боясь повредить. Невесомый шёлк цвета топлёного молока струился до самого пола, но главное – по всей ткани, от плеч до подола, вилась тончайшая серебряная вязь. Это были не просто узоры. Это были древние руны, которые едва заметно светились, стоило мне коснуться ткани.

Рукава отсутствовали, открывая плечи, а лиф был щедро расшит мелкими, как жемчужины, камнями, что мягко переливались перламутром. Талию охватывал широкий пояс из белого атласа с пряжкой в виде символа бесконечности. На дне коробки лежала записка: «Прими наш с мамой подарок. Надень на бал. Папа».

– Летта... – выдохнула Рина, прижимая ладони к губам. – Это... это самое прекрасное платье, что я видела в жизни.

Под бумагой обнаружилась ещё одна шкатулка. В ней, на

бархатной подложке, покоились украшения для волос: серебряный ободок, усыпанный мелкими камнями, искрящимся медовым светом, три заколки-веточки с янтарными листочками и длинная лента из серебристого шёлка, расшитая всё теми же таинственными рунами.

Я поднесла ободок к волосам и взглянула в зеркало. Мои каштановые пряди с рыжеватым отливом будто впитали тепло камней и засветились в ответ.

– Кто твой отец? Он гений! – выпалила Рина. – Это же совершенство. Ты будешь как магиня из древних легенд!

Я улыбнулась, всё ещё не смея до конца поверить в эту красоту. Мама и папа, даже издалека, старались подарить мне частичку своего тепла.

– Ну что? – Рина облокотилась на моё плечо, заглядывая в глаза. – Всё ещё будешь твердить, что тебе никто не нужен? В таком платье ты затмишь всех! Даже самого Моргана с его золотом!

Я рассмеялась.

– Моргана затмить невозможно. Он и есть свет. Но... спасибо. Раз уж папа так постарался, придётся идти.

– Вот это настрой! – соседка просияла. – А теперь – выбираем причёску! У нас меньше одного дня осталось. Я сделаю из тебя главную особенность бала. Ты забудешь обо всех своих мрачных мыслях!

– Мне это не нужно, — слабо запротестовала я, но Рина уже тащила меня к зеркалу, прихватив заколки.

– Глупенькая, помню: «никто не нужен». Но посмотреть, как они будут падать – это священное право каждой девушки!

Из-под кровати донёсся приглушенный звук, подозрительно похожий на смешок Пуша.

Пока мы с Риной колдовали над причёсками, Дима пропал в гостях у Лияр.

Заглянув к нему ближе к вечеру, я застала идиллическую картину. Брат сидел на полу, окружённый подушками, на его коленях блаженно жмурился сытый Ликорн, источая розоватое свечение. А в кресле напротив, с блюдом свежайших пирожков, восседала сама Лияр.

Тётя была удивительной: полная противоположность моему вечно серьёзному отцу. В ней чувствовалось само воплощение тепла и уюта. Длинные волосы были небрежно собраны в пучок, а добрые глаза лучились таким спокойствием, что на душе сразу становилось легко.

– Николетта, дитя моё! – всплеснула она руками, едва увидела меня в дверях. – Иди скорее! Я пирожков принесла! Сын говорит, вы тут совсем заучились, одни кости остались!

– Лияр, я не кости, я стройность, – улыбнулась я, обнимая её.

– Полная, стройная – какая разница, – отмахнулась она, всовывая мне в руки тёплый, ароматный пирожок. – Душа важнее. Ну, рассказывайте! Я слышала, вами многие преподаватели довольны, – она хитро прищурилась, глядя на Ди-

му.

Тот закатил глаза.

– Мама, только не начинай.

– А что такого? – Лияр ничуть не смутилась. – Горжусь я вами. Но это будет наш маленький секрет. Никто не должен знать, чьи вы дети на самом деле.

– Мама! – Дима закрыл лицо руками, но я заметила, как дрогнули в улыбке его губы.

Ликорн, проснувшись, уставился на Лияр. Та, ни капли не испугавшись светящегося зверя, протянула ему кусочек пирожка. Ликорн обнюхал, довольно сверкнул золотым отблеском, что являлось высшей степенью одобрения, и принялся жевать, смешно жмурясь.

– Хороший у тебя страж, сын, – кивнула Лияр. – Верный и сильный.

– Да он за булочку душу продаст, – фыркнул Дима, но в голосе слышалась гордость. – Но вообще да, мы теперь с ним не разлей вода.

– А мне родители платье прислали, – сменила я тему, хотя и не без желания похвастаться. – На бал.

– Показывай! – Лияр аж подпрыгнула в кресле, вмиг превратившись из умудренной женщины в восторженную девочку.

Пришлось бежать к себе. Она рассматривала наряд с таким трепетом, будто прикасалась к святыне.

– Это магия нашего рода... Руны, нити... – шептала она. –

Брат постарался на славу. У этого платья есть защита, Летта. Такие ткут редко, долго пропитывают магией. Ты будешь в нём не просто красивой. Ты будешь сильной.

– Я и так не слабая, – улыбнулась я.

– Знаю, дитя, – Лияр погладила меня по щеке. – Но сила любит красивую обёртку. Особенно на балу.

Она помогла мне бережно сложить платье обратно, и я отправилась к себе.

На душе было удивительно тепло и спокойно. Рядом были друзья, семья, а впереди ждал бал, окутанный тайной. И пусть Морган с Локри следят за мной из темноты, пусть девушки теряют головы от их величия. У меня есть Пуш, Дима, новое платье и любящая семья.

А на балу моя главная задача, разглядеть всех как следует и, желательно, ни на кого не наступить. И уж точно, не прожечь в гневе чей-нибудь парадный костюм. Хотя, глядя на Рину, которая уже строила планы, как пригласит Моргана на танец, я понимала: скучно не будет. Это будет... интересно.

ГЛАВА 14

Бал думался мне чем-то туманным и далёким, пока я не переступила порог Главной Залы Торжественной Магии. Воздух здесь дрожал и переливался. Огромный белый куполообразный потолок исчез, растворился, открыв взгляду искусственную панораму звёздного неба Арканты. Непривычное зрелище, с двумя ночными серебристыми светилами и россыпями фиолетовых созвездий. И эти звёзды не просто сияли, они медленно кружились в завораживающем хороводе, отражаясь в безупречном чёрном мраморе пола. Отчего Зал казался бесконечным.

По стенам, между исполинскими колоннами, обвитыми живыми светящимися лианами, струились магические фонтаны. Их вода взмывала вверх золотыми и серебряными нитями, рассыпалась миллионами искр и исчезала, не долетая до пола.

В центре, под самым куполом, парил огромный хрустальный шар, внутри которого бушевала магия, сталкивались молнии, кружились льдинки, танцевали языки пламени и закручивались миниатюрные смерчи. Этот шар и задавал ритм всему происходящему, пульсируя мягким светом в такт негромкой, тягучей мелодии.

Гости уже начали съезжаться, но пока толпа не заполнила зал, я могла рассмотреть детали. Вдоль стен, в специаль-

ных нишах, стояли скульптуры великих магов прошлого, но сегодня они были не просто камнем, сегодня их глаза светились, наблюдая за живыми, словно и они жаждали танца.

Рядом со мной ахнула Рина. Её платье, сшитое из сиреневого бархата с серебряной вышивкой, мерцало в свете звёзд. Она была прекрасна. А я чувствовала на себе чужие взгляды.

Моё платье, подарок отца, жило своей жизнью. Серебристые руны на молочном шёлке пульсировали в такт магии зала, вплетаясь в общую симфонию света.

– Летта, – прошептала Рина, сжимая мою руку, – это прекрасно.

Я кивнула ей, не в силах вымолвить ни слова.

Первыми в зал начали входить старшекурсники. Девушки плыли в модных платьях из переливающегося газа, который колыбался на нежной ткани, даже когда они стояли на месте. На их запястьях искрились браслеты, рождающие крошечные радуги.

Парни щеголяли в ярких красных камзолах, расшитых золотыми нитями, которые мерцали, словно тлеющие угли. На их поясах висели клинки, украшенные камнями.

Но настоящий ропот восхищения пронёсся по толпе, когда в зал вошли они. Правитель Морган, который появился в проёме высоких торжественных дверей, и на одно мгновение даже звёзды на потолке, кажется, потускнели.

Высокий. Он был облачён в белоснежный мундир с воротником, расшитым золотыми нитями так искусно, что ка-

зался залитым солнечным светом. От него исходила сила. Не та, что давит, а та, что притягивает, как свет притягивает мотыльков.

Он шёл, чуть улыбаясь уголками губ, и каждое его движение было исполнено царственной грации. Девушки вокруг забыли как дышать. Кто-то даже тихо всхлипнул.

Следом за ним, чуть поодаль, будто тень, скользил Локри – глава Сумеречного Дома. И если Морган был днём, то Локри – воплощением ночи. Чёрный, как бездна, камзол с идеальной вышивкой серебряными нитями, создающей иллюзию паутины или инея. Его длинные волосы были зачёсаны назад, открывая бледное, острое, невероятно красивое лицо. Он не шёл. Он парил над полом, едва касаясь его носками идеально начищенных сапог. В глазах плясали тени, и, поймав его взгляд на себе, я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Он был опасен. Он был загадкой. И он тоже посмотрел на меня.

Но толпа ахнула с новой силой, когда в зал стремительным, чеканным шагом вошёл Дик Дол. Первый воин Арканты. Если Морган был величием, а Локри – тайной, то Дик был силой. Воплощённой, грубой, прекрасной силой.

Он не носил мундира, только простую, но безупречно скроенную белую рубашку с широкими рукавами, чёрный жилет, расшитый серебряными драконами, и высокие сапоги для верховой езды. На боку висел меч в простых, но до-

рогих ножнах. Короткие тёмные волосы, волевой подбородок, шрам над левой бровью, делающий его лицо ещё более мужественным. Он улыбнулся кому-то из знакомых, и эта улыбка была подобна удару хлыста – хищная, уверенная.

Я смотрела на них и понимала, почему Рину трясёт. Но мои мысли прервал робкий шепот в толпе зала, на этот раз удивлённый и почтительный.

– Великий Торон! Глава Серебристой Пики!

Я обернулась и замерла. Отец. Он стоял в дверях, высокий, статный, в тёмно-сером, почти чёрном костюме, который, однако, при каждом движении вспыхивал серебристыми искрами, словно был соткан из пыли. Он был прекрасен той взрослой суровой мужской красотой, что не бросается в глаза, но врезается в память.

Я видела, как напряжены его плечи, как внимательно скользят его глаза по толпе. Официально он прибыл в числе почётных гостей, как наблюдатель. Но я-то знала правду. Он пришёл посмотреть на меня. Подстраховать, чтобы никто не мог обидеть его дочь!

Сделала порывистый шаг к нему, но он едва заметно качнул головой, чем напомнил, – здесь никаких объятий. Никаких «доченька». Здесь я – просто Летта, талантливая первокурсница. А он – глава могущественного верховного Дома.

Грянула торжественная музыка. Инструменты играли сами собой, подчиняясь дирижёру, который взмахами рук не просто задавал ритм, а творил мелодию прямо в воздухе, ри-

суя светящиеся ноты.

Музыка достигла самых высоких нот, заставляя воздух вибрировать, но в следующее мгновение дирижёр замер, и его руки повисли в воздухе, сжимая невидимые паузы.

Вместе с ним замер и весь зал. Звёзды замедлили свой хоровод, фонтаны перестали искриться, даже хрустальный шар под куполом затих, погрузившись в глубокое, пульсирующее тьмой ожидание.

Тишина стала осязаемой, тягучей, как утренний туман над Аркантой. И в этой тишине раздался звук. Цокот каблучков по чёрному мрамору. Медленный, величественный, неумолимый.

Главные двери, до сих пор остававшиеся открытыми, дрогнули, и в проёме возникла она – магиня Лиар, глава Центра Магических Искусств. Казалось, что воздух вокруг неё плавился.

Лиар ступила в зал, и я физически ощутила, как магия этого места склонилась перед ней в безмолвном поклоне. Лиар была воплощением самого искусства магии – прекрасного, пугающего и абсолютного.

Её платье переливалось всеми оттенками фиолетового и синего, но стоило ей сделать шаг, как цвет менялся, превращаясь в глубокий чёрный, усеянный звёздной крошкой. Волосы были убраны в высокую причёску, открывая точеные скулы и высокий лоб, увенчанный тонкой диадемой. Глаза... Её глаза были цвета грозового неба. Они видели всё. Они

видели нас насквозь. Когда её взгляд скользнул по толпе замерших учеников, мне показалось, что она заглянула в самую душу, пересчитала всех и улыбнулась нам.

Она прошла в центр зала, и мрамор под её ногами расцвёл серебристыми узорами, которые тут же гасли, едва она делала следующий шаг. Лияр остановилась ровно там, где сходились все взгляды, все линии, все токи магии.

– Добро пожаловать, – произнесла она, и её голос, негромкий, но наполненный силой, заполнил собою всё пространство, отражаясь от звёздного купола и проникая в самое сердце. – В стены, где магия становится искусством. В ночь, где танец становится магией.

Она сделала плавный жест рукой, и хрустальный шар над нами вспыхнул, разбрасывая по залу снопы искр.

– Я приветствую вас, хранители магического равновесия, – Лияр слегка склонила голову в сторону Правителя Моргана, который ответил ей таким же почтительным кивком. – Владыка теней, – её взгляд коснулся Локри, и тот, вопреки своей тёмной натуре, чуть заметно улыбнулся уголками бледных губ. – Оплот нашей силы, – она сделала кивок в сторону Дика Дола, который приложил руку к сердцу в воинском жесте. – И гордость Арканты, – на этот раз её глаза остановились на моём отце. Глава Серебристой Пики ответил ей спокойным взглядом, полным скрытого смысла, понятного только им двоим.

Лияр обвела взглядом зал, и мне показалось, что на миг

он задержался на мне. Всего на миг. Но этого хватило, чтобы руны на моём платье вспыхнули ярче и тут же потускнели, словно их одёрнули.

– Магия Арканты, – продолжила она, – живёт в каждом из вас. В ваших улыбках, в ваших страхах, в ваших мечтах. И сегодня ночь принадлежит вам. Танцуйте так, чтобы звёзды завидовали. И помните: этот бал – лишь отражение той великой силы, что мы призваны хранить.

Она хлопнула в ладоши. Звук был подобен грому. И в то же время нежнейшей трели. Звёзды над головой сорвались с мест и понеслись в бешеном хороводе. Фонтаны взметнулись до самого купола, осыпая гостей золотым и серебряным дождём, который таял, не долетая до плеч. Хрустальный шар взорвался миллионом цветных огней, и они, словно живые, вплелись в волосы девушек, затанцевали на камзолах юношей, заструились по мраморному полу причудливыми узорами.

Дирижёр взмахнул руками, и негромкая, тягучая мелодия сменилась мощным, ликующим вальсом. Воздух загустел от магии. Бал начался.

Рина схватила меня за руку, её глаза сияли от радости.

– Летта! – прокричала она, пытаясь перекрыть музыку. – Ты видела? Ты видела её платье? Это не ткань, это чистая иллюзия высшего порядка!

Но я не слушала. Я смотрела, как мой отец, обменявшись короткими фразами с Правителем Морганом и Диком До-

лом, направился к возвышению, где уже стояли почётные гости.

Локри, прежде чем раствориться в тени одной из колонн, снова нашёл меня взглядом. На этот раз его глаза не просто скользнули, они остановились, и я явственно прочитала в них интерес. Холодный, изучающий, опасный интерес хищника, заметившего жертву.

Ко мне уже спешили однокурсники, что-то говорили, восхищались платьем, приглашали на танец. Рина рядом звонко смеялась, принимая чьё-то приглашение и улетающая в вихре танца.

А я стояла посреди этого безумного, прекрасного, магического водоворота и чувствовала, как моя собственная жизнь, простая и понятная, тает, словно утренний туман, уступая место чему-то новому. Чему-то, что только начиналось.

Первыми закружились старшекурсники. Это было не просто движение под музыку. Это был разговор. Диалог тел и магии. Девушки плыли в танце, оставляя за собой шлейф из мельчайших капель, которые сверкали в свете звёзд. Юноши поддерживали магию партнерш так бережно, что под их ногами расцветали на мгновение призрачные цветы. Они почти не касались друг друга, но между ними искрила магическая энергия.

Правитель Морган танцевал. О, это было зрелище! Он пригласил Лияр, и о чём-то напряжённо говорил с ней в танце. Вёл её с такой уверенностью, с такой королевской

небрежностью, что казалось, они танцуют вместе уже тысячу лет. Его волосы развевались, а костюм вспыхивал ярче с каждым пируэтом. Женщины, не танцующие, провожали его взглядами, полными обожания и лёгкой зависти.

Локри не танцевал. Он стоял у колонны, скрестив руки на груди, и просто наблюдал. Но его взгляд... он прожигал насквозь. И он то и дело останавливался на мне. Я отворачивалась, делала вид, что рассматриваю фонтан, но щёки предательски горели.

Дик Дол, видимо, танцевал так же, как и сражался. Страстно, дерзко, с хищной грацией. Его партнёрша, темно-волосая красавица с факультета иллюзии, едва успевала за его стремительными поворотами. Он подхватывал её, кружил, и в глазах его плясали черти.

Я заметила, как несколько девушек обменялись многозначительными взглядами и, кажется, поспорили, кто будет следующей.

– Летта, – ко мне подошёл Дима, сияющий в своём тёмно-синем камзоле, расшитом серебряными рунами. – Ты стоишь как статуя. Пошли танцевать.

И мы пошли. Это было... странно. С одной стороны, меня никто не приглашал, кроме брата. С другой стороны, когда мы вышли в центр зала и Дима положил руку мне на талию, я вдруг поняла, что мои ноги знают, что делать. Тело двигалось само, подчиняясь какому-то внутреннему ритму.

– Лияр постаралась, – шепнул Дима, кружа меня в валь-

се. – Наложила на нас обоих умение аркантского танца. Говорит, «чтобы не опозорили род».

– Чувствую, – вздохнула я. – Ноги просто летят. А я ведь даже не знаю, какой сейчас танец!

– Главное – не думай, – усмехнулся он. – Просто доверься её магии. Слушай, мы на Земле так не танцуем. Хотя я был любителем ночных клубов. У них здесь скучно. Совершенно не умеют развлекаться. Все помешаны на магии. Я думаю открыть ледовый каток и зимние виды спорта, иначе умру от скуки. На Земле я не вылезал с горнолыжного спуска.

Я рассмеялась, и мы легко закружились в потоке других пар.

– На Земле всё иначе. Там танцы... свободнее. Можно просто двигаться под музыку, как хочешь. Никто не учит тебя годами, куда ставить ногу. Там главное – чувствовать ритм. Я поддерживаю тебя с идеей бизнеса. Мне тоже кажется, что магия – это не всё в жизни, но они этого не понимают.

– Сделаем развлечения, как у людей? – притворно ужаснулся Дима.

– Как у свободных магов, – поправила я. – А здесь... – я оглядела зал, – здесь это целое искусство танца, которое они считают самым большим развлечением.

– Согласен, – кивнул он. – Но ноги уже гудят. Твой Морган на нас смотрит.

– Он не мой, – автоматически ответила я, но взгляд скосила в сторону.

Морган стоял у колонны, рядом с Локри. И да, он смотрел. Прямо на нас с Димой. Его глаза сузились, золотистые, как у хищной птицы.

– Ого, – присвистнул Дима. – Кажется, у нас проблемы.

– Не выдумывай, – отрезала я, хотя сердце ёкнуло. – Просто смотрят.

– Он уже полтанца смотрит, Летта. Исключительно на тебя. И на мою руку, которая лежит на твоей талии.

– Дима!

– Ладно-ладно, молчу. Но имей в виду, если что – я прикрою.

Мы танцевали весь вечер. Танец сменялся танцем, и каждый раз Дима был рядом. Мы говорили о Земле, об Арканте, о магии, о родителях. Я рассказывала ему, как мы, девчонки, танцевали под поп-музыку в универе, наряжаясь в смешные наряды. Он слушал с открытым ртом.

– Да! – воскликнул он. – С этим у нас проще и интереснее!

– В этом и кайф, – пожала я плечами.

А вокруг шептались. Я видела эти взгляды, слышала обрывки фраз.

– ...она с ним весь вечер...

– ...красивая пара...

– ...наверное, встречаются...

Я хотела возмутиться, но Дима только крепче сжимал мою талию.

– Пусть говорят. Так даже лучше. Меньше вопросов, кто

мы на самом деле.

Я кивнула. Он был прав. Пусть думают, что мы пара. Это скроет правду о нашем родстве. Где-то в толпе мелькнул серебристый костюм отца. Он разговаривал с магистром Тавером из Серебристого Дома, своим старым другом. Я заметила, как его взгляд на мгновение остановился на мне, и в глазах мелькнуло одобрение. Он видел, что я справляюсь. Но все же он меня страховал!

Бал гремел. Музыка становилась всё быстрее, магия в хрустальном шаре бушевала всё яростнее. Старшекурсники творили настоящие чудеса. Кто-то заставил цветы на платье партнёрши распуститься, кто-то окутал пару лёгким туманом.

Локри наконец вышел в круг и станцевал с одной из преподавательниц. Медленный, тягучий танец, полный скрытой силы и грации. Он двигался как хищник, как большая чёрная пантера, и я поймала себя на том, что засмотрелась.

– Летта, – Дима щёлкнул пальцами у моего лица. – Ты где?

– Здесь, – отмахнулась я. – Просто задумалась.

– О чём? О ком? – хитро прищурился он.

– О магии танца, – соврала я.

Дима только рассмеялся.

Наконец, бал пошёл на спад. Уставшие, счастливые гости начали расходиться. Дима проводил меня до дверей моей комнаты.

– Хороший вечер, – сказал он, останавливаясь на пороге. –

Было весело и интересно. Даже несмотря на то, что я теперь официально твой «парень» по слухам.

– Прости, – виновато улыбнулась я.

– Не извиняйся. Прикрою тебя в любой момент. Спокойной ночи, сестренка.

– Спокойной ночи, Дима.

Он ушёл, а я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, выдыхая. Пуш вылез из-под кровати и вопросительно уставился на меня.

– Устала, – прошептала я ему. – Дико устала.

Пуш понимающе моргнул и запрыгнул на кресло, сворачиваясь клубочком. Я разделась, бережно повесила платье в шкаф. Магия в нём всё ещё слабо пульсировала. Надела лёгкую сорочку и забралась в кровать.

Бал всё ещё шумел где-то вдалеке. Сюда, в общежитие, доносились приглушённые отзвуки музыки, смех, всполохи магии за окнами. Звёзды в небе кружились медленнее, засыпая вместе с миром. Я закрыла глаза, проваливаясь в сладкую дрему под этот далёкий шум.

Стук в дверь прозвучал как гром среди ясного неба. Резкий, требовательный, нетерпеливый. Так не стучат друзья. Так не стучат соседи. Я села на кровати, сердце бешено заколотилось. Пуш зашипел, шерсть на нём встала дыбом, и он засветился тревожным красным.

Стук повторился. Ещё громче.

– Кто там? – мой голос дрогнул.

Молчание. А потом прогремел ещё один мощный удар, от которого, кажется, задрожала дверь. Я встала, накинула халат, на негнущихся ногах подошла к двери и приоткрыла её.

На пороге стоял Морган. Его золотые глаза горели яростью. Не той холодной, царственной, что я видела раньше, а настоящей, дикой, всепожирающей. Белоснежный мундир был расстёгнут, волосы растрепаны, дыхание сбито. Он не ждал приглашения. Он просто вошёл, оттолкнув меня плечом, и захлопнул дверь за спиной.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась я, пятясь назад.
– Это моя комната!

Но он не слушал. Он схватил меня за руку. Его пальцы были горячими, почти обжигающими. Он рывком притянул к себе.

– Кто он такой? – голос Моргана был низким, хриплым, полным едва сдерживаемой бури. – Этот мальчишка, с которым ты протанцевала весь вечер? Почему ты уделяла ему столько внимания? Почему ты смотрела только на него? Почему ты улыбалась только ему?

– Отпустите! – я попыталась вырваться, но его хватка была железной. – Это не ваше дело! Вы кто такой, чтобы врываться ко мне и требовать ответов?

– Я – Правитель и твой будущий муж! – прорычал он, наклоняясь к моему лицу. – И я требую ответа!

– Вы мне никто! – выкрикнула я в его лицо. – Вы не имеете

права!

Он замер на мгновение, а в его глазах вспыхнуло что-то ещё, помимо гнева. Боль? Обида? Он смотрел на меня, и я тонула в этом золоте. Видимо, он снова использовал свою магию. А потом он потянулся ко мне. Медленно, неотвратимо, словно лавина. Я поняла, что он хочет поцеловать меня, и ужас ледяной иглой пронзил позвоночник. Не от отвращения – от неожиданности, от неправильности всего происходящего.

И тогда сработала защита. Я даже не поняла, что случилось. Вдруг всё моё тело пронзила вспышка холода и жара одновременно. На коже, под тонкой тканью сорочки, проступила серебристая броня. Мелкая, как рыба чешуя, плотно облегающая руки, плечи, грудь. Это была не моя магия. Это была магия рода, защита Серебристой Пики, вложенная в кровь, в кости, в каждую клеточку моего тела. Она проснулась, почуввав угрозу.

Когда губы Моргана почти коснулись моих, броня выстрелила. Ослепительная серебряная молния ударила прямо в него, отбросив правителя к стене. Он вскрикнул, скорее от неожиданности, чем от боли, и врезался спиной в дверцу шкафа. Его золотые глаза расширились от изумления.

Пуш взвизгнул и забился под кровать, но я его не винила. Я сама дрожала, стоя посреди комнаты, окружённая серебристым сиянием собственной защиты.

– Не смей, – выдохнула я, и мой голос звучал глухо, чуждо,

словно из-под толщи воды. — Никогда не смей ко мне прикасаться без спроса.

Морган медленно выпрямился, прижимая руку к груди. На его пальцах, на белоснежном мундире, остались тёмные, обугленные следы. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. В его взгляде больше не было ярости. Только потрясение и... что-то ещё. Что-то, чему я боялась дать имя.

— Николетта... — начал он, делая шаг вперёд.

— Уходите, — перебила я, а голос мой наконец обрёл твёрдость. — Покиньте мою спальню. Немедленно. И никогда. Слышите? Никогда больше не входите сюда без моего позволения. Мы больше не знакомы, и вы мне никто. Убирайтесь.

Он замер. На мгновение мне показалось, что он снова шагнёт, снова схватит, снова попытается... Но нет. Морган опустил глаза, провёл рукой по лицу, стирая пепел, и молча направился к двери.

У порога он остановился, не оборачиваясь.

— Ты ошибаешься, дорогая, — тихо сказал он. — Мы знакомы. И ты мне не никто.

Дверь за ним закрылась почти беззвучно.

Я стояла посреди комнаты, всё ещё окружённая серебристым свечением, и дрожала. Пуш вылез из-под кровати, подбежал, ткнулся мордой в ногу. Я опустилась на пол, обняла его и разрыдалась.

Где-то далеко всё ещё гремел бал, но здесь, в моей маленькой комнате, только что рухнул мир. Или начал строиться

заново. Я ещё не поняла.

ГЛАВА 15

Утро после бала наступило слишком рано. И слишком громко.

— Летта! — голос Рины ворвался в мою комнату вместе с ней самой. — Ты представляешь? Меня пригласил на танец сам Дик Дол! Дважды! Дважды, Летта! Я думала, у меня сердце остановится прямо там, посреди зала, и пришлось бы вызывать исцеляющих магов из Серебристого Дома, которые, кстати, берут очень большую плату!

Я приподняла голову от подушки и издала звук, отдалённо напоминающий «поздравляю». Пуш, свернувшийся у меня в ногах, только фыркнул и зарылся мордой глубже в одеяло. Мы оба были вымотаны после ночного вторжения Моргана.

Рина, кажется, даже не заметила моего состояния. Она порхала по комнате, размахивая руками, и лучилась таким счастьем, что хоть солнечные батареи заряжай.

— А ты? Ты танцевала с тем симпатичным новеньким? Димитрием? Вы так красиво смотрелись вместе! Весь зал только о вас и шептался! Говорят, вы идеальная пара!

Я села на кровати, чувствуя, как ноющая боль в висках пульсирует в такт её восторгу.

— Рина, мы не пара. Мы друзья.

— Друзья? — она округлила глаза. — Летта, вы протанцевали весь вечер! Он смотрел на тебя так, как будто ты са-

мое ценное сокровище Арканты!

— Или его сестра, которую надо защищать от придурков,
— буркнула я себе под нос, чтобы Рина не услышала.

— Что?

— Ничего. Рина, у нас сейчас теоретическая магия, а я ещё даже не завтракала. И не умывалась. И вообще...

— Ой, точно! — она подскочила. — Бежим! Магистр Тавер не терпит опозданий! Говорят, он может превратить в кресло и оставить в углу до конца обучения!

— Это запрещено правилами центра, — простонала я, выходя из кровати.

— Таверу плевать на правила! Он сам себе правило! — Рина уже вылетала за дверь. — Жду тебя в столовой! Не задерживайся!

Я посмотрела на Пуша. Тот посмотрел на меня.

— Я устал, — заявил он и снова зарылся в одеяло.

— Предатель.

Завтрак прошёл в авральном режиме. Дима, сияющий как новенькая монетка, уминал пирожки и рассказывал, как Ликорн всю ночь светился разными цветами в такт его храпу.

— Представляешь? — хохотал он. — Я храплю, он ярко красный, настолько, что я просыпаюсь. Я переворачиваюсь, тревожу его, он синий. Я замираю, он зелёный и довольно мурчит. У меня теперь личный ночник с обратной связью!

Рина смотрела на него с умилением, явно приплюсовывая его к списку «потенциальных женихов». Я только закатыва-

ла глаза и пила горьковатый травяной настой, мечтая о нормальном кофе.

Зал Теоретической Магии встретил нас привычной торжественной тишиной. Тяжёлый воздух, пахнувший древностью, высокие сводчатые потолки, светящиеся сферы под деревянными балками. Магистр Тавер уже стоял у своего стола, а его темные глаза сканировали входящих студентов.

Я заняла своё место, стараясь не думать о вчерашнем. О золотых глазах, о серебристой броне, о том, как Морган смотрел на меня перед уходом... Нет. Не думать. Только учёба.

— Итак, — начал Тавер своим глубоким, бархатистым голосом, и сферы под потолком почтительно замерли. — Вчера был бал. Сегодня наступила реальность. Магия не будет ждать, пока вы выпитесь. Магия не интересуется вашими сердечными делами. Магия просто есть. И она требует понимания.

Он обвёл взглядом аудиторию, а я поёжилась, вспомнив, как в первый день он смотрел на меня с пугающим интересом.

— Сегодня мы поговорим о теории сотворения. О том, как магия превращается в материю. О древних артефактах, которые наши предки создавали без всяких формул, своей силой, просто силой мысли и намерения. Он взмахнул рукой, в воздухе перед каждым из нас загорелась прозрачная сфера, точно такая же, как в наш первый день.

— Ваша задача, представить в этой сфере самый простой предмет. Камень. Перо. Цветок. И попытаться материализовать его. Хотя бы на миг.

Я смотрела на свою сферу и почувствовала уже знакомое напряжение. Вокруг сферы однокурсников начали наполняться цветом, формами. У кого-то возникло мутное облачко, похожее на камень. У кого-то прозрачное перо, которое тут же рассыпалось искрами. А моя сфера оставалась пустой. Прозрачной. Насмешливо чистой.

— Не торопись, Летта, — раздался надо мной голос Тавера. — Бесцветная магия не терпит суеты. Просто... позволь себе. Отключи мысли.

Я закрыла глаза. Попыталась отключиться. Но в голову лезло всё, что угодно, кроме покоя. Морган. Его ночной визит. Моя внезапно появившаяся серебристая броня. Его слова: «Ты мне не никто». Потом Дима с его идеями про каток. Потом Рина с её восторгами.

Сфера передо мной даже не дрогнула. Я выдохнула. Ладно. Попробуем иначе. Вместо того чтобы представлять что-то простое, я вдруг подумала о том, чего мне не хватает здесь, в Арканте. О чём-то родном, земном, уютном. И я представила...

И в этот миг мир вокруг меня словно взорвался. Я даже не поняла, что произошло. Просто вдруг моя прозрачная сфера полыхнула ослепительным серебряным светом, и из неё, словно из портала, начали вываливаться... предметы. Мно-

го предметов. Они сыпались на мой стол, на пол, на соседние столы, с грохотом, звоном и каким-то совершенно не магическим стуком. Студенты повскакивали с мест. Кто-то завизжал. Кто-то, наоборот, заорал от восторга.

Я смотрела на это безобразие широко открытыми глазами и не могла поверить. На моём столе, дымясь остаточной магией, лежали: ракетки для тенниса, старый чайник, три телескопических швабры, связка баранок, старый магнитофон с кучей пластинок, клетчатая сумка-авоська полная картошки... Венцом всего были огромный, пузатый, ярко-оранжевый тыквенный сок в трёхлитровой банке с этикеткой «Сделано в России», а рядом лежал двойной гамбургер, ещё тепленький. Тут же валялся мопед с наклейками моего земного соседа Гришки, который доставал меня постоянно. Мой разбитый ноутбук приземлился на столе рыжего парня. И было ещё много всякого барахла из земной жизни, но самое интересное, что всё оно было чужое, не моё.

В зале воцарилась абсолютная тишина. Я сидела посреди этого балаганного безобразия, чувствуя, как мои щёки наливаются свекольным цветом. Пуш, который тайком пробрался за мной и сидел под столом, издал звук, подозрительно похожий на икоту.

Магистр Тавер медленно, очень медленно, обошёл свой стол, подошёл ко мне и уставился на моё «творчество». Его брови медленно поползли вверх.

— Летта... Кроу, — произнёс он с расстановкой. — Вы не

могли бы объяснить, что это?

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Это... э-э-э... чайник? — пискнула я.

— Чайник я вижу, — терпеливо сказал Тавер, беря в руки магнитофон и с недоумением разглядывая кассету, которая, кстати, была «Ласковый май». — А это что за артефакт? Я не узнаю магическое плетение.

— Это... музыкальный... шкатулка! — моя фантазия работала на пределе.

Рядом со мной кто-то всхлипнул. Я обернулась. Рина сидела, закрыв лицо руками, и её плечи тряслись. Она смеялась. Истерически.

Дима, сидевший через три ряда, уже не скрываясь, уткнулся лбом в стол и трясся всем телом. Ликорн, высунув голову из его сумки, светился ярко-розовым, видимо, от восторга.

— Это... это что? — медленно произнёс Тавер, поднимая связку баранок и рассматривая её со всех сторон. — Съедобные?

— Ну... да, — обречённо кивнула я. — Их с чаем хорошо.

— С чаем, — повторил магистр. — Из этого чайника? — он кивнул на ржавое чудовище.

— Вообще-то его сначала помыть надо, — ляпнула я и прикусила язык.

Тавер выпрямился. В его глазах плясали чертики, но лицо оставалось каменно-спокойным. Он обвёл взглядом замер-

ших студентов, потом снова посмотрел на меня, потом на грудь земного хлама.

— Летта Кроу, — произнёс он голосом, от которого у мурашек по спине случаются панические атаки. — Вы только что материализовали столько предметов одновременно. Разных. Предметов. Из небытия. Причём... — он поднёс к носу авоську и принюхался, — пахнет реальным миром. Другим. Вы понимаете, что это значит?

Я не понимала. Честно. Я вообще перестала что-либо понимать с того момента, как в моей жизни появилась Арканта.

— Это значит, — продолжил Тавер, и его голос дрогнул, — что вы применили древнюю магию сотворения. Ту, что была утеряна тысячи лет назад. Ту, что принадлежала ещё Первым.

Зал ахнул. Я ахнула вместе с ним.

— Но я... я просто представила... ну... — я замямлила, пытаюсь подобрать слова. — Я подумала. И оно... появилось.

Тавер смотрел на меня так, словно перед ним сидел не первокурсник, а как минимум древнее божество, которое просто прикидывается дурочкой.

— Летта, — сказал он тихо, но в этой тишине его голос слышали все. — То, что вы сделали, невозможно. Сейчас. В нашей реальности. Магия сотворения требует колоссальной концентрации, понимания структуры материи и... — он запнулся, — связи с источником. А вы... вы кто?

— В смысле кто? — тихо, но растерянно уточнила я.

— В этом то вся суть, — грозно сказал Тавер. Он покосился на банку с соком, — непонятный напиток оранжевого цвета... напиток... Странно.

— Тыквенный, — снова ляпнула я. — Очень полезно для зрения.

Кто-то в задних рядах уже не скрываясь ржал. Дима сполз под парту. Рина вытирала слёзы. Тавер глубоко вздохнул. Потерял на миг своё каменное выражение лица и... улыбнулся. Совсем чуть-чуть, уголками губ, но я это видела.

— Летта Кроу, — произнёс он с неожиданным теплом. — Вы, ходячая катастрофа. И, кажется, величайшее открытие нашего мира. Лекция окончена. Все свободны. А вы, — он посмотрел на меня, — останьтесь. И прихватите свои... э-э-э... артефакты. Нам есть о чём поговорить.

Студенты повалили из зала, косясь на меня и перешёптываясь. Дима, проходя мимо, шепнул:

— Сестрёнка, ты гений. Если эти баранки съедобные, мы озолотимся. Магическая выпечка из другого мира! Я уже вижу бизнес-план! Устроим им Макдональдс!

Я только закатила глаза. Когда зал опустел, Тавер подошёл ближе и присел на край моего стола, заваленного земным барахлом. Его серьёзное лицо теперь не выражало ничего, кроме глубокой задумчивости.

— Летта, — начал он. — То, что ты сделала, это не просто магия. Это нечто гораздо более древнее. Магия сотворения была утеряна после ухода Первых. Считалось, что она наве-

гда осталась в прошлом. И вот... ты.

— Я случайно, — честно призналась я. — Честное слово, я просто...

— В этом и суть, — кивнул он. — Ты не пыталась. Ты просто позволила себе чувствовать. А магия откликнулась. Это чистая, первозданная сила. Сила, которую нельзя контролировать формулами. Которой нельзя научить. Которая либо есть, либо её нет.

— И что мне теперь делать? — растерянno спросила я.

Тавер посмотрел долгим взглядом.

— Учиться. Но не так, как все. Тебе нужен другой подход. Другая методика. Я поговорю с Лияр. Возможно, ей известны древние практики, которые...

Он не договорил. Потому что воздух в центре зала вдруг задрожал, закрутился воронкой, и из неё, сотканный из чистой серебристой магии, вышел мой отец. Не порталом, как обычно делают маги. А именно соткался из воздуха.

Серебристые нити сплелись в его фигуру, и через секунду Великий Торон, глава Серебристой Пики, стоял посреди Зала Теоретической Магии, сжимая в руке швабру, которую, видимо, прихватил для наглядности.

— Торон? — Тавер даже привстал. — Какими судьбами? И почему через такой... эффектный портал?

Отец не ответил. Он смотрел на меня. В его глазах было столько всего сразу, что я не могла разобрать и половины. Гордость. Страх. Тревога. И какая-то тягучая печаль.

— Летта, — сказал он глухо. — Только что по всей Арканте прокатилась магическая волна. Источник, здесь. В этом зале. Ты что-то сделала? Что-то невероятное?

Я только кивнула, обводя рукой своё хозяйство в Зале. Отец посмотрел на швабру в своей руке, потом на груду предметов передо мной, и вдруг... рассмеялся. Коротко, хрипло, но искренне.

— Магия сотворения, — произнёс он, качая головой. — Ты пробуждаешь древнюю силу, утерянную. И что она создаёт в первую очередь? Швабры? — он посмотрел на меня, а в его глазах плясали смешинки, смешанные с ужасом. — Дитя, ты понимаешь, что это значит?

— Что мне нужно больше практиковаться в визуализации? — предположила я.

Тавер хмыкнул. Отец закатил глаза.

— Это значит, — сказал он, подходя ближе и понижая голос, — что теперь о тебе узнают все. Волна от твоего... творчества... прошла через весь мир. Верховные Дома уже в курсе случившегося. И каждый из них захочет понять, что произошло. И кто это сделал.

У меня внутри всё похолодело.

— Я не специально...

— Знаю, — перебил он мягко. — Ты никогда не делаешь ничего специально. Ты просто так чувствуешь. И это самое опасное и самое прекрасное в тебе.

Он взял меня за руки. Его ладони были тёплыми, надёж-

ными.

— Летта, послушай меня. То, что ты сделала, это невероятно. Но это и невероятно опасно. Магия сотворения привлекает внимание. Не только магов, но и тех, кто живёт в тенях. Тех, кто охотится за древней силой, — он сжал мои пальцы. — Обещай мне. Пока я не разберусь, что происходит, ты не будешь пробовать это снова. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Даже если очень захочется. Даже если захочешь создать что-то безобидное. Обещай.

Я смотрела в его серьёзные глаза, встревоженные, любящие, и кивнула.

— Обещаю.

Он выдохнул. Провёл рукой по моим волосам, как делал в глубоком детстве.

— Умница. А теперь... — он оглянулся на Тавера, потом снова на меня, и усмехнулся. — Летта, иди на следующее занятие, — добавил он и повернулся к магистру. — Тавер, я сейчас тебе всё объясню. Вижу, что у тебя есть вопросы. Но их станет ещё больше.

Я фыркнула, чувствуя, как напряжение отпускает.

— Летта, — сказал тихо магистр Тавер, — Мой друг прав. Будь осторожна. Магия сотворения опасна. Это сила, способная создавать миры. И разрушать их.

Я посмотрела на свои «творения». И мне вдруг стало смешно.

— Магистр, — спросила я, — а можно мне оставить ба-

ранки? Они правда вкусные. С чаем.

Тавер посмотрел на меня долгим взглядом, покачал головой и... улыбнулся.

— Можно.

Я счастливо улыбнулась. Впервые за это утро, искренне, легко, несмотря на весь этот безумный день. Когда я вышла из зала меня уже ждали. Дима, Рина и даже Ликорн, который светился ярко-зелёным от нетерпения.

— Ну? — набросились они хором. — Что сказал Тавер? Мы видели Великого Торона. Почему он явился?

Я вздохнула, и выдала:

— Он сказал, что я опасна для общества. Тавер сказал, что мне нужен особый подход. А вы... — я посмотрела на их выжидающие лица. — Отнесите баранки. Вечером чай попьем.

Дима, ни секунды не колеблясь, схватил протянутую вязанку.

— Баранки, — заявил он. — Это стратегический запас. Ликорн, свети зелёным, чтобы нас все видели и обходили стороной.

Ликорн послушно засиял ярко-салатовым. Рина зашагала рядом, засыпая меня вопросами. А я шла и думала о том, что сказал отец. О древней магии, которая проснулась во мне. О Моргане и Локри, которые теперь точно не оставят меня в покое. О предметах с Земли, которые, кажется, стали моим фирменным знаком. И о том, что в этой сумасшедшей, магической, нелепой жизни у меня есть семья, друзья и даже

личный светящийся ночник у брата.

ГЛАВА 16

Три дня прошло как в тумане. После инцидента на теоретической магии я старалась вести себя тише воды, ниже травы. Сидела на занятиях, не поднимая головы, не создавала ничего, кроме самых простых магических плетений.

Пуш не отходил от меня ни на шаг, а Дима каждый вечер приносил булочки и травил земные анекдоты, чтобы хоть немного разрядить обстановку.

Но я чувствовала. Воздух вокруг меня изменился. Студенты косились с удвоенным любопытством. Преподаватели задерживали взгляды дольше положенного. А по ночам мне казалось, что за мной наблюдают из теней.

На утро, когда я только собиралась на занятия по элементарной исцеляющей магии, дверь моей комнаты распахнулась без стука. На пороге стояла Лияр. Не в своем обычном добродушном образе, а собранная, холодная, величественная. Такой я её ещё не видела.

— Одевайся, Николетта, — голос её не допускал возражений. — Официально. Ты должна присутствовать в Магической Башне.

— Что случилось? — я вскочила с кровати, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Совет Домов, — Лияр шагнула в комнату и взяла с вешалки моё церемониальное платье, которое мгновенно ма-

териализовалось, как только она произнесла слова о Совете.
— Требуют твоего присутствия.

— Главы? — голос мой предательски дрогнул. — Но зачем? Я ещё учусь, студентка...

— Ты не «студентка», — отрезала Лияр, помогая мне одеваться. Её пальцы двигались быстро и уверенно, затягивая шнуровку на спине. — Ты леди Николетта из Серебристой Пики. И ты пробудила магию, которой не было тысячи лет. Думаешь, это прошло незамеченным?

Я молчала, пытаюсь справиться с дрожью в руках. Лияр закончила с платьем, взяла моё лицо в ладони и заставила посмотреть себе в глаза.

— Слушай меня внимательно, девочка. Что бы там ни говорили, что бы ни требовали, ты имеешь равное право голоса. Ты не вещь, не трофей и не пешка в чужой игре. Запомни это.

— Я запомню, — прошептала я.

Она кивнула и отпустила.

— Идём. Порталом нельзя. Совет собирается в Зале Согласия. Все являются на него только живым шагом. Это традиция.

— А ты? — спросила я, когда мы вышли в коридор. — Ты пойдёшь со мной?

— Я буду там, — Лияр чуть заметно улыбнулась. — Как Верховная Магиня Центра, где ты проходишь обучение. Но говорить буду только тогда, когда сочту нужным. А ты, мол-

чи и внимательно слушай. Пока молчи.

Из Центра Магических искусств, перемещаясь на воздушной платформе через всю старую столицу Арканты – Алир, мы уже через полчаса прибыли на место.

Коридоры, общие для всех Домов Магической Башни, в этот день мне казались особенно длинными и холодными. Мы шли в полном молчании, и каждый наш шаг гулким эхом отдавался от каменных стен. Светящиеся сферы в нишах горели тусклее обычного, словно даже магия этого места чувствовала напряжение.

Перед массивными дверями Зала Согласия Лияр остановилась, поправила мне воротник и коротко кивнула:

— Ты со всем справишься.

Двери распахнулись, и я шагнула внутрь.

Зал Согласия не был похож ни на одно место, которое я видела в Арканте. Это был не просто зал. Это была вселенная, застывшая в камне и магии. Огромное пространство уходило в бесконечность, и я не могла понять, где кончаются стены и начинается небо. Пол был выложен полированным чёрным камнем, в котором отражались звёзды, кружащиеся где-то высоко-высоко над головой. Но это были не настоящие звёзды. Я чувствовала, что каждый огонёк здесь живой, дышащий, наполненный магией из подземного источника.

По периметру зала, на равном расстоянии друг от друга, возвышались три пьедестала. Каждый из чистого металла, принадлежащего своему Дому. Золотой, был сияющим и

стоял слева от входа. Серебристый постоянно мерцал и находился справа. А чёрный, с вкраплениями тусклого света, грозно возвышался прямо напротив входа. Пьедесталы сейчас были пусты.

В центре зала, ровно там, где сходились линии силы Домов, стоял круглый стол. Абсолютно белый, но на его поверхности, как живая, пульсировала карта Арканты. На ней было отражено местоположение гор, лесов, рек, городов и три Пики в центре, соединённые тонкими светящимися нитями. Вокруг стола стояли трое.

Морган. Золотой, сияющий, величественный. Сегодня на нём был не просто костюм, а церемониальные одежды Правителя. Длинный плащ из золотой парчи, расшитый рунами, и корона на голове, пульсирующая мягким светом. Он стоял, опираясь рукой о спинку высокого кресла, и смотрел прямо на меня.

Локри был чёрным, как сама бездна. Его одежды переливались тёмным шёлком, и казалось, что они впитывают свет звёзд, не отражая ни лучика. Лицо его было спокойно, но глаза... в глазах горел холодный, опасный огонь. Он тоже смотрел на меня.

А Великий Торон, глава Серебристой Пики, стоял отдельно от них, чуть поодаль, но в его глазах я читала тревогу, смешанную с гордостью. Он чуть заметно кивнул мне, что всё будет хорошо.

Лияр коснулась моего плеча и жестом указала на место у

стола, напротив отца. Я подошла и встала, стараясь не дрожать. Платье моё вдруг ожило. Руны на ткани засветились ровным серебристым светом, вторив звёздам над головой.

— Совет Домов объявляю открытым, — голос Моргана прозвучал негромко, но эхо разнесло его по всему залу, заставляя звёзды вздрагивать. — Присутствуют: глава Золотого Дома, Правитель Арканты Морган из Золотой Пики. Глава Сумеречного Дома Локри из Сумеречной Пики. Глава Серебристого Дома Великий Торон из Серебристой Пики, — он сделал паузу и перевёл взгляд на меня. — И леди Николетта из Серебристой Пики, призванная для дачи объяснений.

— Объяснений? — голос отца прозвучал холодно. — Моя дочь не обвиняемая, Морган. Попрошу выбирать выражения.

— Обвиняемой её никто не называет, — вмешался Локри. Его голос был тихим, но каким-то образом проникал прямо в мозг. — Речь идёт о событии, которое затронуло все три Дома. О событии, которое требует обсуждения.

Морган шагнул вперёд, и я физически ощутила давление его магии. Она была повсюду, тёплая, тягучая, обволакивающая, но не проникала в меня. Я вдруг поняла, что смотрю на него и не могу отвести взгляд. Его глаза, золотые, как расплавленный металл, притягивали, гипнотизировали, заставляли забыть обо всём, но что-то мешало ему до конца провести подчинение моего сознания. Видимо, это сработала за-

щита отца, потому что на границе его магии и моей воздух дрожал, будто шла тихая борьба.

— Три дня назад, — официальным голосом начал Морган, — леди Николетта, будучи ученицей Центра Магических Искусств, пробудила древнюю магию сотворения. Магию, которая не проявлялась в Арканте тысячелетия. Волна от этого события прокатилась по всему миру. Её почувствовал каждый маг. Каждый.

Он сделал паузу и обвёл взглядом присутствующих.

— Это не просто талант. Это угроза.

— Угроза? — отец шагнул вперёд, его серебристый плащ взметнулся, словно от порыва ветра. — Моя дочь угроза? Да ты понимаешь, что говоришь, Морган?

— Я говорю то, что думаю, — правитель даже не повернул головы в его сторону. Он пристально смотрел на меня. — Леди Николетта не контролирует свою силу. Она не обучена. Она опасна для себя и для окружающих. Обычные занятия в Центре ей не помогут. Ей нужен личный наставник. Сильный маг, способный обуздать эту мощь и направить её в нужное русло.

— И ты, конечно, предлагаешь свою кандидатуру, — усмехнулся Торон. — Как благородно.

Морган медленно повернулся к нему. На миг между главами Домов проскочила такая мощная магическая искра, что звёзды над головой вздрогнули.

— Я Правитель Арканты, — отчеканил Морган. — Моя

магия сильнейшая. Кто лучше меня справится с этой задачей?

— Думаю, тот, кто не пытается использовать девушку в своих целях, — неожиданно парировал ему Локри. Он шагнул ближе к столу, и его чёрные одежды заструились, как жидкая тьма. — Мы все знаем, Морган, чего ты добиваешься. Ты хочешь заключить с ней магический союз. Хочешь привязать Серебристый Дом к Золотому. Хочешь получить контроль над древней магией.

— А ты? — Морган резко развернулся к нему. — Чего добиваешься ты, Локри? С каких пор Сумеречный Дом интересуется делами Серебристого?

— С тех пор, как эти дела касаются равновесия всех трёх Домов, — спокойно ответил Локри. — Магия сотворения принадлежит не только Серебристым. Она принадлежит Арканте. И её носительница не должна становиться чьей-то рабыней.

— Рабыней? — не выдержала я. Голос мой прозвучал звонко, разрезая висящее напряжение. — Вы говорите обо мне так, будто меня здесь нет. Будто я вещь, которую можно делить и передавать.

Трое мужчин разом повернулись ко мне. Отец — с гордостью. Локри — с удивлением. Морган — с чем-то, похожим на раздражение.

— Леди Николетта имеет право голоса, — произнесла Лияр из тени у дверей. Но никто не обернулся на неё.

— Имеет, — согласился Морган, не сводя с меня глаз. — Говори, Николетта. Чего ты хочешь?

Я сглотнула. Сердце заколотилось от неожиданного вопроса, но я заставила себя смотреть ему прямо в глаза.

— Я хочу учиться. Хочу понимать свою силу. Но я не хочу быть ничьей собственностью или рабыней. И замуж я не собираюсь. Ни за кого.

Тишина повисла в зале такая плотная, что можно было слышать мелкую вибрацию магических звёзд. Даже карта Арканты перестала пульсировать.

Морган шагнул ко мне. Медленно, плавно, как хищник. Его глаза горели золотом, и я чувствовала, как его магия пытается обвить меня, проникнуть под кожу, заставить подчиниться. Но защита отца, та самая невидимая броня, вплетённая в мою кровь, сработала мгновенно. Я даже не вздрогнула. Морган замер. В его глазах мелькнуло удивление и разочарование.

— Ты защищена, — сказал он тихо. — Торон постарался.

— Я защищена от любого магического воздействия, — ответила я. — И от вашего тоже, Правитель. Так что не тратьте свои силы.

— Ты не понимаешь, — Морган сделал ещё шаг, и теперь между нами было меньше метра. — Я не хочу причинять тебе вред. Я хочу защитить тебя. Этот мир жесток, Николетта. Твоя сила привлечёт врагов. Множество врагов. Только рядом со мной ты будешь в безопасности.

— Рядом с вами? — я горько усмехнулась. — Или под вашим присмотром?

— В безопасности, — прищуриваясь повторил он. — Только и всего.

— Довольно, — голос Локри прозвучал как удар хлыста. Он вдруг оказался рядом, с другой стороны, а я оказалась зажата между ними. — Ты пугаешь её, Морган. Отойди.

— Не твоё дело, Сумеречный, — прорычал Морган, не сводя с меня глаз.

— Моё, — отрезал Локри. И вдруг я почувствовала... ревность. Острую, почти физическую. Она исходила от Локри волнами, смешиваясь с его холодной, тёмной магией. Он смотрел на Моргана так, словно готов был разорвать его голыми руками. — Ты не заставишь её против воли. Я не позволю.

Морган резко обернулся к нему. Между ними вспыхнул магический разряд такой силы, что меня отбросило на шаг назад. Воздух заискрился, запахло озоном.

— Ты? — Морган рассмеялся, но смех его был страшным. — Ты, Локри? С каких пор ты печёшься о девушках из Серебристого Дома? Или у тебя свои интересы?

— Мои интересы — моё дело, — процедил Локри. — Но в одном ты прав, ей нужен наставник. Только это будешь не ты.

— А кто? Ты? — Морган шагнул к нему, сжимая кулаки. — Ты, который всю жизнь провёл в тени, обучаясь тёмным

искусствам? Ты хочешь научить её магии сотворения? Да ты сам её не знаешь!

— Зато я знаю, как не сломать человека, пытаясь его защитить, — парировал Локри. — В отличие от тебя. И потом, магией сотворения ты не обладаешь. Никто ею не владеет. Все знания о ней весьма эфемерны.

— Главы Домов! — голос отца прозвучал как раскат грома. Он шагнул между ними, разводя магов в стороны одной лишь силой воли. Воздух вокруг него засеребрился, загустел, образуя защитный кокон.

— Вы забываетесь. Это Совет Домов, а не городская площадь. И речь идёт о моей дочери. О моей, слышите?

Он повернулся к Моргану, в его глазах полыхал холодный гнев.

— Ты, Морган, должен смириться. Моя дочь не станет заключать союз по принуждению. Ни сейчас, ни когда-либо. Я скорее разрушу этот мир, чем отдам Николетту тебе без её согласия.

— Торон... — начал Морган.

— Молчи, — оборвал его отец. — Ты уже всё сказал. Твоя позиция ясна. Ты хочешь контроля над ней, над её магией, над Серебристым Домом. Но я не позволю.

Он повернулся к Локри.

— А ты, Локри... Я не знаю, что у тебя на уме, но предупреждаю сразу, если ты пытаешься использовать её в своих играх, я сотру Сумеречный Дом в пыль. Не сомневайся.

Локри склонил голову, но в его глазах не было страха. Только уважение.

— Я не желаю ей зла, Великий Торон. Клянусь тенью.

— Клятвы тенью ничего не стоят, — отрезал отец. — Я буду судить по делам.

— Хватит! — голос Моргана взорвался магией. Золотая волна прокатилась по залу, заставляя звёзды дрожать. — Мы ушли от темы. Леди Николетта должна прекратить обучение в Центре. Это не обсуждается. Её сила слишком велика для обычных занятий. Она будет учиться отдельно. С наставником, которого выберет Совет.

— И ты, конечно, предлагаешь себя, — усмехнулся Локри.

— А ты предлагаешь себя, — парировал Морган. — Мы в равных условиях.

— Нет, — голос отца прозвучал твёрдо. — Она будет учиться в Серебристой Пике. Под моим присмотром. Я её отец, и это моё право.

— Ты не справишься, Торон, — покачал головой Морган. — Ты слишком близок к ней. Слишком мягок. Ей нужна твёрдая рука.

— Ты называешь меня мягким? — отец шагнул к нему, а воздух вокруг зазвенел от напряжения. — Я, который держит Серебристый Дом в равновесии десятки лет? Я, кто удержал магию в момент Великого Слияния? Ты смеешь это говорить мне?

— Смею, — Морган не отступил. — Потому что речь идёт о будущем Арканты. О древней магии, которая может либо спасти наш мир, либо разрушить его. И я не позволю, чтобы ею распоряжался кто попало.

— Кто попало? — отец побелел от гнева. — Ты называешь меня кто попало?

— Я называю тебя отцом, который слишком любит свою дочь, чтобы быть объективным, — отрезал Морган.

— А ты правитель, который слишком любит власть, чтобы быть честным, — вмешался Локри.

— Молчать! — рявкнул отец. — Оба!

Воздух в зале загустел настолько, что стало трудно дышать. Три главы Домов разной магии, схлестнулись в невидимой схватке. Звёзды над головой заматались, как живые. Пол под ногами задрожал.

Я стояла между ними, чувствуя, как эта сила давит на меня со всех сторон, и не знала, что делать. Защита отца держалась, но я чувствовала, что ещё немного и она треснет.

И вдруг всё мгновенно прекратилось. Не потому, что они договорились. А потому, что в центре зала, прямо на карте Арканты, распахнулся портал. Это был не обычный портал. Он не был золотым, как у Моргана, не серебристым, как у отца, и не чёрным, как у Локри. Он был... живым. Сотканным из чистого света, переливающегося всеми цветами радуги. Из него пахло древней магией, могущественной, невероятной.

Все застыли в изумлении смотря на него, особенно когда сияние портала превратилось в сферу и подлетело к Лиар, которая вышла в центр Зала Совета. В этот момент она была прекрасна. Не той мягкой, домашней красотой, к которой я привыкла, а красотой воина, победителя, богини. Её платье переливалось фиолетовым, волосы развевались, словно на ветру, а глаза горели таким гневом, что трое сильнейших магов мира замерли на месте.

— Хватит, — сказала она тихо, но это слово прозвучало как приговор. — Хватит делить то, что вам не принадлежит. Этот портал открыл Алир. Бессменный страж столицы и Арканты. Он не допустит, чтобы носительница его дара была лишена равного с вами голоса.

— Лиар... — начал отец.

— Молчи, Торон, — оборвала она его. — Ты тоже хорош. Стоите тут и решаете судьбу Николетты. А её спросить? Её решение учесть?

Она подошла и встала рядом, положив руку мне на плечо. Я почувствовала, как её сила перетекает в меня, укрепляя защиту и успокаивая дрожь.

— Леди Николетта, — Лиар посмотрела мне в глаза, — ты хочешь учиться с ними? С любым из них?

— Нет, — ответила я твёрдо. — Не хочу.

— Вот, — она повернулась к магам. — Вы слышали? Она не хочет.

— Это ничего не меняет, — Морган шагнул вперёд. — Её

безопасность...

— Её безопасность, — перебила Лияр, а голос её зазвучал в разы громче, — буду обеспечивать я. Верховная Магиня Центра Магических Искусств. Та, кто видела становление каждого из вас. Та, кому Совет не смеет указывать.

— Лияр, — Локри склонил голову, — мы не оспариваем твой авторитет. Но...

— Но ничего, — отрезала она. — Я забираю Николетту. Она будет учиться у меня. Лично. Под моей защитой. И если кто-то из вас попытается помешать...

Она сделала паузу, в зале повисла такая тишина, что было слышно, как пульсирует магия в карте Арканты.

— Лияр, — голос отца звучал виновато, — я никогда...

— Знаю, Торон, — мягче сказала она. — Ты любишь её. Но ты тоже часть этой системы. И ты тоже пытался решать за неё.

Отец молча опустил глаза. Морган шагнул вперёд.

— Лияр, ты не имеешь права...

— Я имею право, — она резко повернулась к нему, а воздух вокруг неё завибрировал. — Я, Верховная Магиня. По законам Арканты, в вопросах обучения и безопасности учеников Центра моё слово — закон. Или ты забыл это, Правитель?

Морган замер. Его золотые глаза полыхнули гневом, но он ничего не сказал.

— Так-то лучше, — кивнула Лияр. — А теперь, мы ухо-

дим.

Она щёлкнула пальцами, и портал за её спиной распахнулся. Живой, переливающийся, невероятный.

— Идём, Николетта.

Я шагнула к ней, но вдруг почувствовала, как чья-то сила пытается удержать меня. Морган. Он не двинулся с места, но его магия обвилась вокруг моей лодыжки, как золотая змея.

— Она останется, — произнёс он глухо. — Я не отпущу.

— Отпустишь, — Лияр даже не обернулась. Она просто повела рукой, и золотая нить лопнула, как гнилая верёвка. Морган пошатнулся.

— Лияр! — крикнул он.

— Молчи, мальчик, — бросила она через плечо. — Ты ещё не дорос до спора со мной.

Мы шагнули в портал. Напоследок я обернулась. Трое магов стояли у стола. Отец с виноватым облегчением на лице. Локри с задумчивым, почти печальным выражением. И Морган с такой яростью в глазах, что я физически почувствовала жар.

— Я верну тебя, Николетта, — прошептал он одними губами. — Слышишь? Я верну.

А потом портал схлопнулся, и мы оказались в покоях Лияр. Тёплый свет, мягкие ковры, запах трав и книг. Я выдохнула и сползла по стене на пол, чувствуя, как дрожат колени.

— Всё хорошо, девочка, — Лияр присела рядом и обняла меня. — Ты в безопасности. Я не дам тебя в обиду.

— Они... они такие страшные, — прошептала я. — Когда они спорили... я думала, они разнесут зал.

— Могут, — спокойно ответила Лияр. — Но не посмеют. Зал Согласия, это святое место. Там даже магия боится бу-
янить.

— А Морган? — спросила я, поднимая на неё глаза. — Он сказал, что вернёт меня.

Лияр помолчала, поглаживая меня по голове.

— Морган привык получать всё, что хочет, — сказала она наконец. — Но ты не вещь. И я сделаю всё, чтобы он это понял. Даже если придётся сжечь половину Золотой Пики.

Я слабо улыбнулась.

— Ты правда можешь?

— Могу, — усмехнулась она. — Но не буду. Пока не буду.

— Лияр, почему Морган хочет жениться на мне? — тихо спросила, чтобы узнать её мнение.

— Это не брак в твоём земном понимании. Это союз разных магий. Ритуал объединения. Морган станет сильнее всех в Арканте. Договорной союз. Это почти как договорной брак на Земле: выгода, приумножение капитала и никакой любви, — медленно и как-то обречённо ответила Лияр.

Она поднялась и протянула мне руку.

— Вставай, Николетта. Завтра у тебя первый день нового обучения. Я буду твоим наставником. И поверь, это будет не радостно.

— Я готова, — ответила, принимая её руку.

В этот момент я действительно была готова. К чему угодно. Потому что теперь я знала, что у меня есть не только отец, но и тётка, способная поставить на место самого Правителя. И это чувство защищённости стоило дороже любой магии.

ГЛАВА 17

День выдался нервный, и я провалилась в сон, как в тёплую тёмную воду. Последним, что я помнила, было прикосновение Пуша, свернувшегося клубком у моих ног, и мерцание ночного светильника над кроватью. А потом мир исчез.

Я стояла в подземелье. Том самом, где мы с Димой нашли барельеф с пророчеством. Но сейчас здесь было по-другому. Воздух дрожал от магии, такой древней и могущественной, что у меня перехватило дыхание. Стены светились изнутри, и на них... на них оживала история.

Я не видела себя. Я была невидимым наблюдателем, призраком, затерянным между временем. И я смотрела, как на каменном полотне, прямо передо мной, разворачивалась трагедия тысячелетней давности.

Это был не просто другой мир, это была другая реальность. Небо над головой было не голубым и не фиолетовым, как сейчас в Арканте. Оно было белым. Абсолютно, пугающе белым, как чистый лист пергамента, на котором ещё не написали ни строчки. И в этой белизне плавали острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.